

DOCUMENTS OF THE HELSINKI
WATCH GROUP IN THE USSR

NUMBER ONE

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

ОБЩЕСТВЕННОЙ ГРУППЫ СОДЕЙСТВИЯ
ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

KHRONIKA PRESS
NEW YORK, 1977

**DOCUMENTS OF THE HELSINKI
WATCH GROUP IN THE USSR**

NUMBER ONE

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

**ОБЩЕСТВЕННОЙ ГРУППЫ СОДЕЙСТВИЯ
ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ**

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

**KHRONIKA PRESS
NEW YORK, 1977**

Documents of the Helsinki Watch Group in the USSR

Copyright © 1977 by Khronika Press

Published by: KHRONIKA PRESS 505 8th Ave., New York, N. Y. 10018

Manufactured in USA

CONTENTS

Foreword	V
The Founding of the Helsinki Watch Group	VII
Yury Orlov's Appeal	IX
Reports of the Helsinki Watch Group	XI

Texts (Russian):

Об образовании Группы содействия	5
О преследовании Мустафы Джемилева	8
О почтовой и телефонной связи	11
Об условиях содержания узников совести	16
О разделенных семьях	45
Репрессии против религиозных семей	52
Оценка влияния Совещания по безопасности и сотрудничеству	65
О положении бывших политзаключенных в СССР	77

Приложения:

Сообщение для прессы	85
Обращение Юрия Орлова	87
В защиту В. Мороза	89

THE HELSINKI WATCH GROUP IN THE USSR

On May 12, 1976 the physicist Professor Yury Orlov and ten other Soviet citizens announced the formation of a Helsinki Watch Group in the USSR. (The Group's formal name is The Public Group to Promote Observance of the Helsinki Accords in the USSR.)

Overcoming initial skepticism, human rights activists have come to realize that the Final Act signed at Helsinki on August 1, 1975, contains significant provisions on human contacts, the free flow of information, religious liberty and other humanitarian concerns. The Final Act sets standards of conduct for the participating States and provides a framework for international efforts to advance respect for human rights.

The announcement of the USSR Helsinki Watch Group played an important role in passage of the law which established the United States Commission on Security and Cooperation in Europe which is monitoring implementation of the Final Act with particular emphasis on its humanitarian provisions. Helsinki Watch Groups affiliated with the Orlov Group have recently been formed in the Ukraine and in Lithuania. The Charter 77 group in Czechoslovakia and a Helsinki monitoring group in Poland have also underscored East European interest in the implementation of the Final Act's humanitarian provisions.

We have collected in this book the summaries of documents of the Helsinki Watch Group which have appeared in recent issues of *A Chronicle of Human Rights in the USSR* together with the full Russian texts of many of those documents. The complete English text of the Final Act has been published by the Department of State, and the Russian text has been published in *Pravda* and *Izvestia*.

A follow-up meeting of the States which signed the Helsinki Final Act will be held at Belgrade this year. This meeting will provide an opportunity to review the performance of the participating States in implementing their pledge "to respect human rights and fundamental freedom" and "confirm the right of the individual to know and act upon his rights."

January 1977

Edward Kline

THE PUBLIC GROUP TO PROMOTE OBSERVANCE OF THE HELSINKI ACCORDS IN THE USSR

In May eleven Soviet citizens published the following statement :

The Founding of the Public Group to Promote Observance of the Helsinki Accords in the USSR

The Public Group to Promote Observance of the Helsinki Accords in the USSR was founded on May 12, 1976, in Moscow.

The Group's purpose is to foster compliance with the humanitarian provisions of the Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe. This includes the following articles of the Final Act:

1) Declaration on Principles Guiding Relations between Participating States. VII. Respect for human rights and fundamental freedoms: including the freedom of thought, conscience, religion or belief.

2) Cooperation in Humanitarian and Other Fields: 1. Human Contacts (in particular (b) Reunification of Families). 3. Cooperation and Exchanges in the Field of Culture. 4. Cooperation and Exchanges in the Field of Education.

The Group considers that its most urgent task is to inform all Heads of States signatory to the Final Act of August 1, 1975, and the public at large of direct violations of the provisions mentioned above. In this regard, the Group:

1) will accept directly from Soviet citizens written complaints which concern them personally and which relate to the provisions mentioned above. The Group will forward such complaints in abridged form to all Heads of States signatory to the Final Act and inform the public at large of the substance of the complaints. The Group will retain the original complaint signed by the author;

2) will gather, with the assistance of the public, other information on violations of the provisions mentioned above, organize this information, evaluate its reliability and forward it to Heads of States and to the public. When the Group encounters specific information on flagrant acts of inhumanity such as:

**taking children from the custody of religious parents who wish to rear
their children in their own faith;**

compulsory psychiatric treatment for the purpose of altering a person's thought, conscience, religion or belief;
dramatic instances of separation of families;
extremely brutal treatment of prisoners of conscience,
the Group intends to appeal to Heads of State and to the public to form international commissions to verify such information on the spot, since it will not always be possible for the Group to verify such crucial information directly.

The Group hopes that its information will be taken into account at the official meetings called for in the section of the Final Act entitled "Follow-up to the Conference."

The Group's members are inspired in their activities by the conviction that humanitarian problems and freedom of information have a direct bearing on international security. We appeal to the public of the other Participating States to form national groups to promote complete fulfillment of the Helsinki agreements by the governments of their own countries.

We hope that a corresponding International Committee will also be organized in the future.

The members of The Public Group to Promote Observance of the Helsinki Accords in the USSR:

Ludmilla Alexeyeva, *Rizhsky proyezd 3, apt. 136, Moscow*

Mikhail Bernshtam, *nab. Gorkogo 4/22, korp. 5, apt. 192, Moscow*

Elena Bonner, *ul. Chkalova 48B, apt. 68, Moscow*

Alexander Ginzburg, *Lesnoi per. 5, Tarusa*

Petr Grigorenko, *Komsomolsky pr. 14, apt. 96, Moscow*

Dr. Alexander Korchak, *Akademicheskaya 7 A, apt. 30, Akadem. gorodok, Podolsky raion, Moscow oblast*

Malva Landa, *Chaikovskogo 11, apt. 37, Krasnogorsk, Moscow oblast*

Anatoly Marchenko, *ul. Chapaeva 18, Chuna, Chunsky raion, Irkutsk oblast*

Prof Yury Orlov (Group Chairman), *Profsoyuznaya 102, korp. 7, apt. 1, Moscow*

Prof. Vitaly Rubin, *Telegrafny per. 7, apt. 13, Moscow*

Anatoly Shcharansky, *Kooperativnaya ul. 8, apt. 4, Istra, Moscow oblast*

Moscow, May 1976

YURY ORLOV'S APPEAL

An Appeal to the Governments and Parliaments of States which Signed the Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe

The non-governmental Group to Promote Observance of the Helsinki Accords, composed of individuals known for their statements in support of human rights, has commenced work in the USSR.

The Group's goal is to collect, analyze and transmit to the participating states information on violations of the humanitarian provisions of the Final Act.

We hope that our work will encourage the Soviet government to fulfill its moral obligations assumed in conformity with these provisions. We urge the public in other countries to follow our example, since we do not assume that violations of the Helsinki accords can occur only in the Soviet Union.

In fact the ten months which have elapsed since the Helsinki Conference have shown plainly the necessity for such work, at least in the USSR.

It would be untrue to say that the situation inside the USSR has become worse since the Conference. For example, no new court decisions during this period taking away their children from Baptist, Adventist, Pentacostalist and other religious parents are known. The number of court proceedings resulting in psychiatric repressions has been somewhat reduced. However slight these achievements may be, we should record them objectively.

But I must emphasize that even these slight gains were achieved only as a result of the self-sacrificing work entailed in informing world public opinion of the more gross violations of human rights in the USSR.

In this connection, I must point out that the continuing persecution of the free exchange of information is a fundamental violation of the spirit and the letter of the Final Act of the European Conference.

This now affects, in particular, the activity of the Group to Promote Observance of the Helsinki Accords in the USSR.

The Group, which is completely open and constructive in its activities, was officially declared "an illegal organization" by the authorities even though this sounds idiotic, as well as "an anti-constitutional organization engaged in provocations." Numerous KGB agents almost demonstratively follow my steps and the steps of other Group members, evidently in expectation of an order for our arrest. It might seem that nothing is more dangerous for the state than a public effort to promote observance of the Helsinki accords. But such an approach, based on the momentary selfish interest of the authorities, is not at all constructive in the long run.

The non-violent struggle for respect for the fundamental rights of the individual, for more humane practices and against cruelty, for tolerance and for the free circulation of information offers a more sure and lasting basis for confidence and peace than can be achieved by political efforts alone. The problems of security in today's world are inseparable from humanitarian problems. This is the evident rationale for the humanitarian provisions of the Final Act. And why *all* peoples and *all* governments have an interest in their fulfillment.

If the collection and transmission of information on violations of these provisions are classified as crimes against the state, then this undermines the very basis of the accords and deprives them of real content and internal consistency.

Therefore I appeal to the governments and parliaments of all the states participating in the European Conference, including the USSR.

I ask them to take steps which will protect the right of the Group to Promote Observance of the Helsinki Accords to function in a reasonable and constructive fashion in conformity with its stated purpose.

I ask them to protect the members of the Group against persecution.

May 27, 1976

Professor Yury Orlov

Chairman of the Helsinki Watch Group

REPORTS OF THE HELSINKI WATCH GROUP IN THE USSR

The Public Group to Promote Observance of the Helsinki Accords in the USSR (CHR 20) issued a report on July 22, 1976, evaluating Soviet compliance with the humanitarian provisions of the Helsinki Final Act since its adoption on August 1, 1975. The thirteen page report was signed by Ludmilla Alexeyeva, Alexander Ginzburg, Petr Grigorenko, Alexander Korchak, Malva Landa, Anatoly Marchenko, Yury Orlov, Vladimir Slepak, and Anatoly Shcharansky. The editors of Khronika Press have prepared the following abstract of this report:

The human rights provisions of The Final Act are not as specific nor as concerned with individual rights as the provisions of the Universal Declaration of Human Rights, but Article VII, Section 1(a), and a number of other provisions of the Final Act relate to human rights. "Analysis of the pertinent aspects of its internal policy demonstrates that *the Soviet government does not intend to fulfill its international obligations with respect to human rights.*"

Hundreds of political prisoners sentenced for their political, ethical or religious beliefs are confined in prisons or labor camps, and in some respects their conditions of detention have deteriorated this past year. Psychiatric repression continues. There has been no improvement with respect to freedom of emigration or reunification of families. The exchange of independent information is persecuted. The creation of independent associations is also persecuted.

However, certain factors have made the Soviet authorities more sensitive to charges of human rights violations: a) Soviet pledges on human rights at Helsinki were made in exchange for Western political concessions, and there has been an unprecedented if timid attempt by Western leaders to insist on fulfillment of Soviet pledges; b) the Western public, even certain Western Communist parties, are becoming aware of Soviet human rights violations; c) specific international events such as the end of the Vietnam war and Soviet crop failures have affected Soviet sensitivity to Western opinion. As a result, the Soviet authorities have made some concessions in well-publicized cases, but repressions continue, particularly in cases lacking publicity.

The first reaction of the Soviet authorities after Helsinki was to ignore the humanitarian provisions of the Final Act by relying on the principle of "non-intervention in internal affairs." Vladimir Osipov, Sergei Kovalev, Sergei Soldatov, Mustafa Dzhemilev and other dissenters arrested prior to August 1975 received harsh sentences at their post-Helsinki trials. But a stronger than anticipated Western reaction to continued Soviet human rights violations led to some individual concessions such as Leonid Plyushch's release from a psychiatric hospital, Andrei Tverdokhlebov's comparatively light sentence, and exit visas

for several Jewish activists. At the same time Soviet authorities continued to arrest or confine in psychiatric hospitals less well-known dissenters including Alexander Avakov, Anatoly Uvarov, Yury Tsarev, Valery Timokhin, Alexander Silnitsky, Andrei Matko, Pavel Bashkirov and Alexander Argentov. (A later communication of the Group added the names of Genrikh Reimar, Anton Bleim, Yury Fedorov and Sergei Babich to the list of post-Helsinki arrests).

Initially, the Soviet authorities denied any application of the Helsinki accords with respect to emigration to Israel since Israel was not a participating state. In June 1976 Vladimir Obidin, head of OVIR, stated that reunification of family provisions applied only to spouses and their unmarried children, leading to refusals of exit visas on grounds of "an insufficient degree of kinship." On balance, the grant of exit permits to a few publicized individuals has been used to conceal an increased number of refusals. Applicants for exit visas are still punished by dismissal from jobs, induction into the army, abusive newspaper articles, etc. No preference has been given to family reunification of the sick and elderly.

The Soviet authorities, recognizing that information on their human rights violations may arouse world opinion, have adopted new measures to restrict the exchange of information despite the provisions of the Helsinki accords. They have severed or disrupted postal and telephone communications between many Soviet citizens and the West. They have further restricted family visits to political prisoners. They have increased the confiscation and censorship of prisoners' correspondence. Prisoners and their effects are now inspected regularly and prisoners have been put in punishment cells for alleged attempts to transmit information.

Domestic Soviet laws continue to contradict the principles ratified by the USSR in international agreements. The official labor unions are controlled by the Communist Party, thus denying workers their right to freedom of association guaranteed by International Labor Organization Conventions 87, 98, and 111. The RSFSR Code on Marriage and the Family obliges parents to "raise their children in the spirit of the moral code for the builders of communism," an obligation which violates the provisions of both the Final Act and the Universal Declaration of Human Rights. Articles 70 and 190-1 of the RSFSR Criminal Code contradict the human rights provisions of the Final Act and other international conventions.

After initial skepticism, Soviet dissenters now believe that the humanitarian provisions of the Final Act provide standards of conduct which can be cited effectively in initiating and publicizing complaints of human rights violations. Since the formation of the Helsinki Watch Group on May 12, 1976, the Group has sent to the heads of participating states the following reports: 1) The Persecution of Mustafa Dzhemilev (May 18); 2) Violations of International Postal and Telephone Communications (May 27); 3) Conditions of Detention of Political Prisoners (June 17); 4) Reunification of Families (June 17); 5) Repressions against Religious Families (June 17). The Group has also issued an appeal on behalf of Valentin Moroz when he was sent to the Serbsky Institute for psychiatric examination (CHR 20, p. 22). World public opinion helped to prevent Moroz's confinement in a psychiatric hospital, but the Group has not

learned of any response to its appeals for Dzhemilev and for an international commission to investigate the treatment of Soviet prisoners of conscience. The Group has also experienced difficulties in obtaining information on violations of human rights, and in transmitting its reports to the ambassadors of the participating states in Moscow.

The editors of Khronika Press have prepared the following abstracts of documents issued by The Public Group to Promote Observance of the Helsinki Accords in the USSR:

1) The Persecution of Mustafa Dzhemilev (May 18; 3 pages; signed by Orlov, Bernshtam, Bonner, Ginzburg).

A brief review of the April 1976 trial in Omsk of Mustafa Dzhemilev, a 33-year-old Crimean Tatar charged under Article 190-1 of the RSFSR Criminal Code (slander of the Soviet system), for his remarks on the 1944 deportation of the Crimean Tatars and on the Soviet nationalities policy. (For information on Dzhemilev, see this issue and CHR 20; for a detailed report on Dzhemilev's trial, see CCE 40). Dzhemilev was sentenced to 2½ years strict regimen labor camp even though the chief prosecution witness, Dzhemilev's fellow prisoner Vladimir Dvoryansky, completely retracted his earlier depositions in court.

The Group has studied numerous documents on the Dzhemilev case and has concluded: a) Dzhemilev's conviction contradicts Article VII, Section 1(a), of the Final Act and Article 19 of the Universal Declaration of Human Rights on freedom of expression; b) Dzhemilev's conviction contradicts Article VIII, Section 1(a), of the Final Act on Equal rights and self-determination of peoples; c) Dzhemilev's conviction violates the norms of Soviet law since it was based on false testimony extracted under duress as was revealed at the trial; d) Dzhemilev's health is so poor that the sentence is equivalent to his physical destruction; e) Dzhemilev's trial and conviction is part of a campaign against the Crimean Tatar people in violation of their rights.

The Group concludes that a) Dzhemilev's conviction violates the letter and spirit of the Final Act; b) international action on behalf of Dzhemilev, including action by the governments signing the Final Act, is called for.

2) Violations of Postal and Telephone Communications (May 27; 6 pages; signed by Orlov, Rubin, Shcharansky, Alexeyeva).

The section on Human Contacts in the Final Act states that: "The participating states . . . make it their aim to facilitate freer movement and contacts, individually and collectively, whether privately or officially, among persons . . . and to contribute to the solution of humanitarian problems that arise in that connection." Since free travel abroad is impossible for Soviet citizens, postal and telephone communications are vital for contacts among persons and for the exchange of information on humanitarian problems, but Soviet officials are impeding such contacts.

The USSR Council of Ministers adopted an amendment (August 31, 1972) to Article 74 of the Regulations on Communications which forbids the use of telephones for purposes which contradict state interests or the public order

(CCE 27). Using this article, the authorities have disconnected either temporarily or permanently a number of telephones which have been used to transmit information on prisoners of conscience, on human rights violations, etc.

The Group lists 11 telephones disconnected after August 1, 1975, including Valentin Turchin's, Yury Orlov's, Mark Nashpitz's and Vladimir Voinovich's, and 32 telephones disconnected prior to August 1, 1975, including Nina Bukovsky's, Vladimir Slepak's and Alexander Lerner's. In other cases, such as Andrei Sakharov's telephone, overseas conversations are either interrupted or drowned out.

There is similar interference with foreign mail. Postal authorities disclaim responsibility for non-delivery of mail, but investigations of lost letters initiated by Ida Nudel and others (see this issue) drag on for years without results. Telegrams sent from abroad to Vladimir Slepak and Ida Nudel were not received. Valentin Turchin does not receive mail sent from the Amnesty International Secretariat in London. Turchin also failed to receive Jeremy Stone's book on disarmament sent by the author.

These facts are evidence of the continuing violations of the Human Contacts and Information sections of the Final Act.

3) Conditions of Detention of Political Prisoners in the USSR (June 17; 24 pages; signed by Orlov, Ginzburg, Landa, Alexeyeva, Shcharansky).

Prisoners of conscience in the USSR continue to suffer from hunger and cold. The diet called for by official regulations is inadequate and below even the norms described in Marchenko's *My Testimony* and Solzhenitsyn's *The Gulag Archipelago*, vol. 3, part VII. The poor quality of the food served reduces its nutritional value further; in prisons and on some of the disciplinary regimens, the prisoners are truly tortured by hunger. The punishment of hunger is intensified by heavy forced labor, by cold, and often by damp cells without daylight or fresh air. In the cold stone punishment cells prisoners are forbidden to wear warm clothes, and during the day there is nothing to sit on and at night only wooden boards to sleep on.

In Vladimir Prison, the seriously ill prisoners of conscience Vladimir Bukovsky and Alexander Sergienko have spent long periods in punishment cells and on reduced rations because of their refusal to perform forced labor and because of their interventions on behalf of other prisoners. At least 30 political prisoners have suffered similar punishments in Vladimir Prison over the past 10 months, and at least 8 political prisoners served time in punishment cells during the March-May 1976 period.

The Soviet government has recently acceded to two international agreements forbidding torture and cruel or inhuman punishment: a) Article 7 of the International Covenant on Civil and Political Rights states that "No one shall be subjected to torture or to cruel, inhuman or degrading treatment or punishment."; Article VII, Section 1(a) of the Final Act states that the participating states "will promote and encourage the effective exercise of civil, political, economic, social, cultural and other rights all of which derive from the inherent dignity of the human person . . ." and also that the participating states will

"fulfill their obligations as set forth in . . . the International Covenants on Human Rights, by which they may be bound."

The Group's information on the Soviet penitentiary system based on the sources listed in Appendix 1 indicates that the Soviet administration has committed gross violations of Article VII, Section 1(a) of the Final Act.

The Group does not believe that torture and cruel or inhuman punishment fall within the category of "rights inherent in (a state's) sovereignty" and so Article VI, Section 1(a) of the Final Act (Non-intervention in internal affairs) is not applicable.

The Group believes it is necessary to form an International Commission to study these alleged violations, beginning with torture by hunger and torture by confinement in punishment cells of Soviet prisoners of conscience.

The Group is prepared to turn over to such a Commission all relevant documents. A list of potential witnesses is attached and includes former prisoners of

conscience (Appendix 4 lists data on 87 potential witnesses). Other appendixes give precise information on the prison diet and a list of Vladimir Prison inmates placed in punishment cells after the Final Act was signed.

The Group believes the Commission should remain in existence until the inhumane treatment of prisoners in the USSR has ceased.

Appendix 1. Sources of information. 1) Corrective labor legislation of the USSR and the Corrective Labor Code of the RSFSR. 2) *A Chronicle of Current Events*, no. 1 through no. 39, March 1976. (English language translations of *A Chronicle of Current Events*, nos. 16-33, are available from Amnesty International. Numbers 28-38, 40, 41 are available in Russian from Khronika Press). 3) Anatoly Marchenko, *My Testimony*. 4) Alexander Solzhenitsyn, *The Gulag Archipelago*, vol. 3, part VII. 5) Excerpts from secret, unpublished instructions of the Ministry of Internal Affairs. 6) Oral statements of relatives of prisoners in Vladimir Prison, the Mordovian strict and special regimen camps, and the Ural (Perm) strict regimen camps. 7) Written complaints of prisoners' relatives and official replies. 8) Appeals of prisoners' relatives to world opinion, Amnesty International, etc. 9) Written letters and appeals from prisoners themselves and responses to them. 10) Verdicts in the cases of persons convicted of "anti-Soviet agitation and propaganda."

Appendix 2. Conditions of Detention. Diet. Confinement in Punishment Cells. This detailed and rather lengthy appendix specifically cites and roughly parallels material contained in the 1975 Amnesty International publication *Prisoners of Conscience in the USSR: Their Treatment and Conditions*, particularly the chapters "Maintenance of Prisoners" and "Relationship between Prisoners and Administration: Discipline and Punishments." The appendix also includes relevant quotations from the *Fundamentals of Corrective Labor Legislation*, the 1972 *Commentary to the Fundamentals of Labor Legislation*, and excerpts from certain directives of the Ministry of Internal Affairs. Parallel material in English is also available in *A Chronicle of Current Events*, no. 33. The appendix gives details on the diet of prisoners (correcting several minor

errors in the Amnesty report), on the regimen in various types of punishment cells, and on numerous instances of disciplinary actions against prisoners of conscience imposed after August 1, 1975.

Appendix 3. The names of 31 prisoners who have been placed in punishment cells or placed on disciplinary regimen in Vladimir Prison after August 1, 1975.

Appendix 4. A list of potential witnesses-prisoners and former prisoners.

4) Separated Families (June 27, 7 pages; signed by Alexeyeva, Orlov, Rubin, Shcharansky).

The Soviet authorities have prevented the reunification of hundreds of Jewish families for many years. There has been no improvement in this situation since the signing of the Final Act. In fact, the number of such families has grown. The Group discusses three cases in detail.

Retired Colonel Efim Davidovich first applied for emigration to Israel in June 1973. Despite numerous appeals and Davidovich's serious cardiac condition, his applications were repeatedly denied and he died of heart failure on April 24, 1976, at the age of 52. (See *A Chronicle of Current Events*, No 40, on Davidovich). The Davidovich case represents a violation of the Final Act's provision that "an application concerning family reunification will not modify the rights and obligations of the applicant or members of his family." Davidovich was deprived of his reserve rank and pension in May 1975 as a result of his application. Also, the Final Act provides that "special attention [will be] given to requests of an urgent character—such as requests submitted by persons who are ill or old."

Boris Levitas (born 1954) has been separated from his father, mother, brother and sister since they left for Israel in September 1973. After Levitas applied for emigration in 1974, he was expelled from the Kiev Polytechnical Institute, denied registration both in Kiev and in his home town of Lvov, deprived of his internal passport and thus deprived of the opportunity to earn his living. His application for an exit visa has been denied. This case also violates the Final Act's provisions on Reunification of Families.

Maria Slepak (Rashkovskaya), born 1926, first applied for emigration to Israel on April 13, 1970, together with her mother, husband, and two sons. The whole family was refused on the grounds of the "secret nature" of Vladimir Slepak's work. The mother Berta Rashkovskaya received permission to emigrate in March 1971. One adult son Alexander Slepak applied together with his wife for reunion with his grandmother in 1975, but was refused on grounds of "insufficient degree of kinship." In January 1976 Maria Slepak received a legal divorce from Vladimir Slepak and applied with her minor son Leonid for reunion with her mother who had suffered two heart attacks, diabetes and other ailments. The refusal of her application was based on the Moscow Visa Office's interpretation of the Final Act: "The Helsinki accords provide for the unification of families, not their separation. No matter what Soviet courts say, we consider you and Vladimir Slepak one family." Over the past six years, members of the Slepak family have been subjected to arrests, dismissals from work,

threats, interruption of telephone service and also of postal service.

Appendix: Lists 59 persons seeking reunification with families in Israel and 4 persons seeking reunification with families in the United States. (This list includes only some of the more dramatic cases.)

5) Repressions against Religious Families (June 17; 16 pages; signed by Ginzburg, Orlov).

Soviet ideological policy calls for children to be brought up under the exclusive influence of so-called communist education. Article 52 of the Code on Marriage and the Family demands that "Parents shall educate their children in the spirit of the moral code of the builder of communism." Article 59 provides that "One or both of the parents may be deprived of parental rights where it is established that they have . . . exerted a harmful influence on them by their immoral, *anti-social* behavior . . . [by court action] following an appropriate statement made by government or public organizations, by one of the parents or by a trustee (guardian) of the child, and also on an action brought by a procurator." Article 64 permits a court to order a child to be taken away from his parents, without deprivation of parental rights. In practice, deprivation of parental rights without loss of custody is also possible.

These provisions of the Code have been used as a "legal" basis to take their children away from religious parents, particularly Baptists, Pentacostalists, Adventists, and members of other Christian sects. Such cases were common from 1971 to 1974, but they have diminished since signing of the Final Act, probably because information on such cases reached the West and provoked a sharp reaction.

However, on October 28, 1975, the people's court of Stary Vyzhny, Volynsky oblast, Ukraine, ordered that Baptist Maria Supronovich's three children be removed from her custody and given to their father. After Supronovich's appeal, the local Soviet ordered the children sent to a boarding institution. Supronovich sent telegrams to the USSR Supreme Soviet and other official bodies asking permission to emigrate with her children to join relatives in Canada and threatening an appeal to international organizations. The Procurator's Office then informed Supronovich that the court order would not be revoked but it would not be enforced.

Court decisions made prior to August 1, 1975, on deprivation of parental rights and on removal of children from the custody of religious parents have not been revoked. Some parents have been forced to hide their own children.

The Pentacostalists Nikolai and Nina Muravlev (Saratov) were deprived of their parental rights in 1974. This decision has not been revoked, but they have retained custody of their seven children.

In April 1975 a people's court (Starosinyavinsk district, Ukrainian SSR) ordered that Svetlana Vlasyuk (born 1965) be removed from the custody of her mother, the Seventh Day Adventist Maria Vlasyuk. On appeal, the Khmel'nitsky oblast court affirmed this decision (the full text of the Khmel'nitsky court's opinion is included in the Group's report) citing the fact that the mother "involved Svetlana in the performance of religious rites and instilled

in her distorted, anti-scientific notions about life and about her environment." The Group's report includes an appeal on behalf of Maria Vlasyuk signed by nineteen witnesses to an attempt by the police to take Svetlana from her mother by force.

The Group's report then quotes from a statement of the Council of Relatives of Evangelical Baptist prisoners listing the names and addresses of other Christian parents threatened with loss of their children: Andrea and Natalya Petrenko, Alexander Nazaruk, Ekaterina Zhivotyagin, Vladimir and Maria Khailo (who appealed to the heads of states participating in the Helsinki Conference), and Nadezhda Lebedev who states that her four children have been deprived of access to high school education because of their beliefs.

Seventh Day Adventists also list the names and addresses of parents threatened with loss of parental rights: Nina Bezdushnaya, Polina Neverova, Eva Moiseyeva, Olga Dmitrenko, Lidia Gatenko, Vasily Shendrik, Petr Didenko, F. Stotsky, Maria Brezhneva, Polina Ratushnaya and Roza Shtark. Eleven-year-old Emma Gomer was officially summoned to the Dzhabul Soviet Executive Committee to explain her religious beliefs.

Children of Adventist parents also suffer from other forms of indirect persecution: imprisonment of family breadwinners, loss of the family home if it is used for prayer meetings, and repeated fines levied against the family. The case of Maria Bakhareva (Kirgiz SSR) the mother of five children, is reported; a tax commission came to her home to confiscate her possessions (but she had none worth taking) because she was unable to pay the fines imposed on her as a religious believer.

Repressions against religious families, including the taking away of their children, is one aspect of a deliberate policy which has persisted for decades. Removal of children from their parents' custody on grounds of the family's religious beliefs contradicts the Final Act, and in particular Article VII, Section 1(a) which provides that "the participating States will recognize and respect the freedom of the individual to profess and practice, alone or in community with others, religion or belief acting in accordance with the dictates of his own conscience." Also, the emphasis given to reunification of families (1. Human Contacts, (b)) must be based on postulates which make inadmissible the forcible separation of families within a country for ideological reasons.

Khronika Press has received the following additional report from the Group:

6) The Situation of Soviet Political Prisoners after Release (August 1; signed by Alexeyeva, Ginzburg, Landa, Orlov, Shcharansky).

Most current Soviet political prisoners were convicted under Article 64 (Treason; applied to those who try to leave the USSR without permission or who are involved in minority national activities; maximum punishment 15 years incarceration or death); Article 70 (Anti-Soviet Agitation; applied to those who express or circulate independent opinions; maximum punishment 7 years incarceration plus 5 years internal exile); or Article 190-1 (Fabrications Discredit-

ing the Soviet System; applied to those involved in samizdat activities; maximum punishment 3 years incarceration).

But in fact punishment does not end with completion of the sentence. Unpublished instructions from the Stalin era forbid certain ex-convicts to live in Moscow, Leningrad, other large Soviet cities and the frontier zone. This deprives the persons affected of their right to choose freely their place of residence and sometimes results in the forcible separation of families. Since 1966 convicts who have not chosen "the path of reform" are subject to "administrative surveillance" after their release.

The rules on registration of residence (published in 1974) somewhat improved the situation by permitting released convicts to live with their families if they had done so prior to arrest. But an unpublished section of those rules states that this right does not apply to persons convicted under Articles 64, 70, or 190-1 unless they are of pension age, have minor children, etc.

The report then discusses the case of Ivan Kandyba, a lawyer by profession who expected after release to live in his birthplace Lvov with his father. Instead he was sent to the small village of Pustomyta where he was placed under administrative surveillance: forbidden to leave the town, forbidden to leave his house between 9 p.m. and 7 a.m., required to report to the police every Wednesday, etc. Unable to find a job, Kandyba enrolled in a 3-month course on repair of electrical appliances.

Nadezhda Svetlichnaya, even though she has a minor child, was not allowed to return home to Kiev, but was sent to the hamlet where she was born.

Such restrictions affect almost all released political prisoners: Nina Sr Stokratova, Levko Lukyanenko, Vyacheslav Rodionov, Valery Graur, Darya Gusak, Alexander Petrov-Agatov, and many others.

These restrictions contradict the humanitarian provisions of the Final Act.

THE HELSINKI WATCH GROUPS IN THE USSR

On November 9 a Ukrainian Public Group to Promote Observance of the Helsinki Accords was formed in Kiev. Members of the group include: the writer Mikola Rudenko (chairman); the writer Oles Berdnyk; the microbiologist and former prisoner Nina Strokata; the lawyer and former prisoner Lev Lukyanenko; Oksana Meshko, the mother of prisoner Alexander Sergienko; and the lawyer and former prisoner Ivan Kandyba. Petr Grigorenko will represent the Ukrainian Group in Moscow where Grigorenko is a member of the Helsinki Watch Group which was founded in May. The authorities have reportedly harassed members of the Ukrainian Group and interfered with attempts to contact Group members by telephone from abroad.

On December 1 at a press conference in Moscow, the Lithuanian religious activist Viktoras Piatkus announced the formation (November 25) of a Lithuanian Public Group to Promote Observance of the Helsinki Accords. Members of the group include: Piatkus; the poet Tomas Venclova; the priest Father Karolis Garuckas; the physicist Eitan Finkelshtein; and the former prisoner Ona Lukauskaite-Poskiene. In a report (Document 1; November 25) issued jointly with the Moscow Group, the Lithuanian Group charged that the banishment of two Lithuanian bishops, Julijonas Steponavicius and Vincentas Sladkevicius, to small villages outside their dioceses violated the principles of the Helsinki Final Act. The Group also reported that Jonas Matulionis and Vladas Lapienis had been arrested (Vilnius; October 19) and were charged with duplicating and circulating slanderous literature including the *Chronicle of the Lithuanian Catholic Church*. The Lithuanian Group also made public the July 28, 1976, regulations on religious congregations issued by the Presidium of the Lithuanian Supreme Soviet and complained that those regulations contain provisions which violate the principles of the Final Act.

* * *

The Moscow Helsinki Watch Group has issued a series of new documents:

a) The Harassment of Alexander Ginzburg, Anatoly Marchenko, Vladimir Slepak, and Anatoly Shcharansky (October 30; 1 page; signed by Orlov, Alexeyeva, Landa, Korchak, Bonner, Grigorenko). Four members of the Group are currently suffering active harassment: Marchenko is serving a four year term of internal exile; Slepak and Shcharansky have been arrested with other Jewish activists in the reception hall of the Presidium of the Supreme Soviet; and Ginzburg has been subjected to almost daily police interrogation for alleged violation of internal passport regulations.

b) The Riga Trial: Supplement to Document 7 (October 30; signed by Alexeyeva, Ginzburg, Landa, Orlov). In August the Latvian SSR Supreme Court sentenced Sergei Frolov and Yanis Varna to three years, Mikhail Larchenkov to two years, and Andres Goldberg to eighteen months confinement in a general regime labor camp for anti-Soviet slander. They had been arrested in May after strikes in the port of Riga protesting "meatless days."

c) Anatoly Marchenko Threatened with Violence (November 2; signed by Alexeyeva, Ginzburg, Landa, Orlov). An appeal to public opinion to defend Marchenko who was threatened with violence on October 30 by Korzun, the Chief of Police in Chuna, Marchenko's place of exile.

d) The Formation of the Ukrainian Helsinki Watch Group (November 12; 1 page; signed by Alexeyeva, Landa, Orlov, Ginzburg, Shcharansky, Slepak). A statement welcoming the formation of the Ukrainian Group, noting the harassment of the Group, and pledging future cooperation.

e) The Harassment of Konstantin Simes and Dina Kaminskaya (December 2; 1 page; signed by Alexeyeva, Bonner, Ginzburg, Grigorenko, Korchak, Landa, Marchenko, Orlov, Slepak, Shcharansky). On November 16 the investigator Tikhonov of the Moscow Procurator's Office ordered searches at the apartment and dacha of Konstantin Simes and his wife Dina Kaminskaya, both lawyers by profession. Poems of Mandelstam and Akhmatova and other samizdat material and personal papers were confiscated. Dina Kaminskaya had often defended members of the human rights movement (Galanskov, Bukovsky, Gabai, Marchenko, Litvinov) until her clearance for such cases was cancelled. In November 1976 she became defense counsel for Boris Chernobytsky, accused of malicious hooliganism after he demonstrated for the right to emigrate. The Group asks lawyers to intercede in this case which jeopardizes their possibility of defending their clients.

f) The Intimidation of Malva Landa's son, Alexei Germanov (December 2; 1 page plus 3 page appendix "The Hostage System" written by Malva Landa; signed by Alexeyeva, Bonner, Ginzburg, Grigorenko, Korchak, Orlov, Slepak, Shcharansky). On November 29 KGB agents warned Alexei Germanov, a physical education instructor at Moscow University, that he might lose his job unless he could persuade his mother, Malva Landa, to stop her dissident activities. (In a separate statement (December 7) Malva Landa reported that KGB agents had renewed their warning to Germanov on December 6.)

g) Document 9: Emigration from Rural Areas (December 10; signed by Shcharansky, Slepak, Alexeyeva, Landa, Orlov, Korchak). About 90 families in the small Jewish settlement of Ilinka, Voronezh oblast, are waiting for

invitations from Israel. The authorities have virtually isolated the settlement: refusing to deliver invitations from relatives, refusing to transmit applications to OVIR, preventing Shcharansky and Slepak from visiting the settlement in June.

h) Document 10: Violations of the Rights of the Crimean Tatars (November 10; 4 pages plus 11 appendices; compiled jointly with the Initiative Group for the Defense of Human Rights in the USSR and signed by Alexander Lavut, Tatiana Velikanova, Tatiana Khodorovich, Orlov, Alexeyeva, Landa). More than thirty pages of documentation of arrests, exile and other harassment of Crimean Tatars seeking resettlement in the Crimea from which they were deported in 1944.

i) General Remarks on Documents 11-14 which concern Violations of a Citizen's Right to Leave his Own Country (December 2; 3 pages; signed by Alexeyeva, Ginzburg, Korchak, Landa, Orlov, Slepak, Shcharansky, Bonner, Marchenko, Grigorenko). The Group has received a large number of documents from Soviet citizens detailing harassment and refusals in connection with applications to emigrate or to travel abroad. The specific right to seek family reunification has already received a great deal of attention; these documents consider cases involving other reasons for departure. Document 11, "The Right to Emigrate for Religious Reasons", is devoted to the many emigration applications of Pentacostalists. Document 12 is devoted to the applications of Ukrainian political prisoners and their families for political asylum in other countries. See the abstracts of Documents 13 and 14 which follow.

j) Document 13: Emigration Applications for Economic and Political Reasons (December 2; 6 pages plus 3 appendices; compiled by Valentin Turchin and signed by Alexeyeva, Ginzburg, Landa, Orlov, Shcharansky). Leonid Sery, a Ukrainian from Odessa who works as a machinist at a ship repair works, has appealed to the International Red Cross and others (Appendix 1) to help his family (wife and six children) to emigrate to Canada or the United States as he cannot earn enough to support his family in the USSR. Valentin Ivanov, a 46-year-old Russian electrician, has petitioned the Presidium of the Supreme Soviet for an exit visa. In 1959 he tried to leave the country illegally. Ivanov claims that the Russian worker has no rights and low pay. Ivanov has served time in prison on political charges. Ivan Sivak, a Ukrainian living with his wife and three sons in a small village in Ivano-Frankovsk oblast, asked permission in 1970 to emigrate to Canada where his father had died in 1965. Refused, Sivak then applied for emigration to Israel. Again refused, Sivak was confined for a time in the Ivano-Frankovsk psychiatric hospital. In a letter to Brezhnev, Sivak complains about the inadequate wages and lack of freedom in the USSR and asks permission to leave with his family for Israel. Vladimir Pavlov, a Russian bus driver living with his wife and son in Maikop, first asked to emigrate from the USSR in 1966. In 1971 he was sentenced to three years' strict regime labor camp for "anti-Soviet slander" (Appendix 2 contains the verdict in Pavlov's case). In May 1976 the RSFSR Supreme Court affirmed this sentence (Appendix 3). Sery, Ivanov, Sivak and Pavlov have all appealed to the Helsinki Watch Group for assistance in emigrating.

k) Document 14: The Case of Emilia Ilina (December 2; 1 page with 5 appendices: signed by Alexeyeva, Ginzburg, Landa, Orlov, Slepak, Shcharansky). Ilina, a Russian engineer born in 1926 and mother of two daughters who are college students, applied in 1976 for permission to leave for Canada in order to find better living conditions for herself and her daughters, one of whom is suffering from tuberculosis. She refused the authorities' suggestion that she try to get an invitation from fictional relatives in Israel, and went on a hunger strike (November) to protest the refusal of the authorities to honor their obligations with respect to freedom of movement. The appendices include: two appeals by Ilina to Soviet and international authorities (August 2 and October 8); a report on a visit to Ilina by Vladimir Slepak and Arkady Polishchuk; Slepak's personal impression of Ilina; and a biographical note on Ilina.

**ДОКУМЕНТЫ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ГРУППЫ
СОДЕЙСТВИЯ ВЫПОЛНЕНИЮ
ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ**

РУССКИЕ ТЕКСТЫ ДОКУМЕНТОВ

Об образовании Группы содействия	5
О преследовании Мустафы Джемилева	8
О почтовой и телефонной связи	11
Об условиях содержания узников совести	16
О разделенных семьях	45
Репрессии против религиозных семей	52
Оценка влияния Совещания по безопасности и сотрудничеству	65
О положении бывших политзаключенных в СССР	77

Приложения:

Сообщение для прессы	85
Обращение Юрия Орлова	87
В защиту В. Мороза	89

ОБ ОБРАЗОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГРУППЫ СОДЕЙСТВИЯ ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ В СССР

12 мая 1976 года в Москве образована Общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Группа поставила своей целью содействовать соблюдению гуманитарных статей Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Имеются в виду следующие статьи Заключительного Акта:

1. Декларация принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях. Пункт VII. Уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений.

2. Сотрудничество в гуманитарных и других областях.

1) – Контакты между людьми (в частности – пункт b – воссоединение семей). 2) – Информация. 3) – Сотрудничество и обмен в области культуры. 4) – Сотрудничество и обмен в области образования.

Своей первоначальной целью Группа содействия считает информирование всех глав правительств, подписавших Заключительный Акт 1.8.1975 года, а также информирование общественности о случаях прямых нарушений указанных статей. С этой целью Группа содействия

1) принимает непосредственно от советских граждан *письменные* жалобы, касающиеся их лично и имеющие отношение к нарушению указанных статей, и в краткой форме переадресовывает их всем главам правительств, подписавшим Акт, а также общественности; подписанный автором оригинал Группа оставляет у себя;

2) собирает с помощью общественности любую другую информацию о нарушениях указанных статей, обрабатывает ее и с указанием своей оценки достоверности адресует ее соот-

ветствующим главам правительств и общественности.

В некоторых случаях, когда Группа будет сталкиваться с конкретной информацией об особенных проявлениях антигуманности, например,

- изъятие детей у религиозных родителей, желающих воспитывать детей в своей вере;
- принудительное психиатрическое лечение с целью изменения мыслей, совести, религии, убеждений;
- наиболее драматические случаи разделения семей;
- случаи проявления особой антигуманности по отношению к узникам совести, —

Группа намерена обращаться к главам правительств и к общественности с просьбами образовать международные комиссии для проверки информации на месте, так как Группа не всегда будет иметь возможность производить собственную прямую проверку столь важной и ответственной информации.

Группа надеется, что ее информация будет учитываться при всех официальных встречах, предусмотренных в Заключительном Акте пунктом "Дальнейшие шаги после Совещания".

В своей деятельности члены Группы содействия исходят из убеждения, что проблемы человечности и информационной открытости имеют прямое отношение к проблемам международной безопасности, и призывают общественность других стран-участниц Совещания в Хельсинки образовывать собственные национальные Группы содействия, способствующие полному выполнению Хельсинкских соглашений правительствами своих стран.

Мы надеемся, что в будущем будет образован также и соответствующий Межнациональный Комитет Содействия.

Члены Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:

Людмила Алексеева — Москва, Рижский проезд, д. 3, кв. 186

Михаил Бернштам — Москва, наб: Горького, 4/22, корп. Б, кв. 192

Елена Боннэр — Москва, ул. Чкалова, 48-б, кв. 68

Александр Гинзбург — Таруса, Лесной пер., 5

Петр Григоренко — Москва, Комсомольский пр., 14, кв. 96

д-р Александр Корчак — Московская обл., Подольский р-н, Академ. городок, Академическая, 7-а, кв. 30

Мальва Ланда — Московская обл., Красногорск, Чайковского, 11, кв. 37

Анатолий Марченко — Иркутская обл., Чунский р-н, Чуна, ул. Чапаева 18

проф. Юрий Орлов — руководитель Группы — Москва, Профсоюзная, 102, корп. 7, кв. 1

проф. Виталий Рубин — Москва, Телеграфный пер., 7, кв. 13

Анатолий Щаранский — Московская обл., Истра, Кооперативная ул., 8, кв. 4

12 мая 1976 г. Москва

О ПРЕСЛЕДОВАНИИ МУСТАФЫ ДЖЕМИЛЕВА

В апреле 1976 года в Омске состоялся суд, приговоривший 33-летнего крымского татарина Мустафу Джемилева, ранее прошедшего восемь лет в лагерях, еще к двум с половиной годам лагеря строгого режима.

Джемилев обвинялся по статье 190-1 Уголовного кодекса РСФСР — "заведомо ложные клеветнические измышления, порочащие советский общественный и государственный строй". Непосредственно в вину Джемилеву ставились его высказывания о национальной политике СССР — именно, о положении крымско-татарского народа, депортированного с исторической родины в 1944 году и до сих пор не имеющего возможности вернуться на родину из-за противодействия властей.

Обвинение Джемилева строилось на показаниях двух свидетелей, причем показания второго из них были косвенными — пересказом слов первого и главного свидетеля — солагерника Мустафы — Владимира Дворянского. Но сам первый и главный свидетель — Дворянский — от своих показаний, данных в ходе предварительного следствия, на суде полностью и целиком отказался, заявив, что показания следствию он дал в результате незаконных методов ведения следствия — шантажа, нажима, угрозы уничтожения.

Тем самым обвинение на суде не подтвердилось. Тем не менее Джемилев не был оправдан. Суд объявил истиной данные предварительного следствия, несмотря на заявление Дворянского о незаконных методах ведения следствия. Более того, судья во время процесса повторял со ссылкой на органы следствия аналогичные угрозы Дворянскому, и суд вынес частное определение о привлечении Дворянского к суду как лжесвиде-

теля — за разоблачение следственного беззакония.

По состоянию здоровья Джемилева после восьми лет заключения и только что оконченной десятимесячной голодовки тюремные врачи не гарантируют, что Джемилев доживет до конца срока.

* * *

Изучив многочисленные материалы — документы, стенограммы, заявления родных Джемилева, его друзей, письма крымских татар, личные свидетельства и другие источники, Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР ОТМЕЧАЕТ:

а) Инкриминирование Мустафе Джемилеву распространения его взглядов по каким бы то ни было вопросам и осуждение его за высказывание этих взглядов противоречит пункту VII части А первого раздела Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, то есть пункту "Уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений", и пункту 19 Всеобщей декларации прав человека, гласящему о свободе распространения информации, — тем более что Всеобщая декларация прав человека заявлена как основа действий государств-участников Хельсинкского совещания (раздел I, часть А, пункт VII Заключительного Акта).

б) Осуждение Мустафы Джемилева за высказывание взглядов о ненормальном положении крымско-татарского народа, то есть осуждение за борьбу за права крымских татар, — противоречит пункту VIII части А первого раздела Заключительного Акта — пункту "Равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой": "Исходя из принципа равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой в условиях полной свободы, определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие" ... "государства-участники... напоминают также о важности исключения любой формы нарушения этого принципа" (пункт VIII части А первого раздела Заключительного Акта).

Осуждение Мустафы Джемилева за борьбу за национальные

права крымско-татарского народа есть как раз прямое нарушение указанного принципа.

СУММИРУЯ отмеченное выше, Группа содействия считает, что осуждение Джемилева — независимо от наличия или отсутствия его высказываний по национальному вопросу — противоречит духу и букве Заключительного Акта Хельсинкского Совещания.

в) Мустафа Джемилев осужден в обход и в нарушение всех норм советского права, по которому никто не может быть осужден без вины и состава преступления. Дело Джемилева является полной фальсификацией, так как обвинение построено на вынужденных лжесвидетельских показаниях, которые разоблачены на суде самим свидетелем. Тем самым процесс Джемилева — не только не правовой акт, не только акт беззакония, но и — заведомо приготовленная расправа.

г) Состояние здоровья Джемилева столь тяжело, что проведенная под видом осуждения расправа является актом физического уничтожения.

д) Тем самым процесс и осуждение Джемилева беззаконным путем за национальную борьбу являются частью кампании преследования и нарушения прав крымско-татарского народа.

* * *

Такая квалификация дела Джемилева приводит Группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР к двум итоговым выводам по этому вопросу:

1. Осуждение Джемилева полностью и абсолютно противоречит духу и букве гуманитарных статей Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

2. Необходимо вмешательство международной общественности и правительственных органов подписавших Заключительный Акт государств, так как произошедшее нарушение даже советских законов не позволяет распространить на дело Джемилева статью Заключительного Акта о невмешательстве во внутренние дела, ибо данная статья разъяснена в Заключительном Акте как уважение законов и порядков суверенных государств, но не уважение беззакония, прикрывающегося фальсификациями.

18 мая 1976 г.

Ю. Орлов, М. Бернштам, Е. Боннэр, А. Гинзбург

ИНФОРМАЦИЯ О НАРУШЕНИЯХ КОНТАКТОВ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЧТОВОЙ И ТЕЛЕФОННОЙ СВЯЗИ

1. Согласно Заключительному Акту Европейского Совещания по безопасности и сотрудничеству (пункт "Контакты между людьми"), "Государства-участники... ставят своей целью облегчать более свободное передвижение и контакты между людьми... и содействовать решению вопросов гуманитарного характера, возникающих в данной области".

В условиях СССР "свободное передвижение" советских граждан в другие страны мира и обратно *невозможно*, если иметь в виду сколько-нибудь *свободное* передвижение.

Поэтому почтовая и телефонная связь играют исключительно важную роль в установлении более прямых контактов между людьми и в обмене гуманитарной информацией. Однако и эта связь чрезвычайно затрудняется, если каким-либо официальным органам не нравится характер взаимной информации.

2. 31 августа 1972 г. Совет Министров СССР принял специальное постановление о дополнении к статье 74 Устава связи СССР, в котором говорится: "Запрещается использование телефонной связи (междугородной, городской и сельской) в целях, противоречащих государственным интересам и общественному порядку". На практике это дополнение применяется таким образом, что после нескольких разговоров по телефону с иностранными абонентами, во время которых передается любая информация, *не совпадающая с официально одобренной* (например, сведения об узниках совести, о преследовании инакомыслящих, тексты заявлений в защиту преследуемых, информация из-за границы о реакции западной общественности

на те или иные политические события в СССР), — телефон отключается даже без предупреждения.

Обычно телефон отключается на полгода, а затем включается с предупреждением не использовать его впредь для разговоров с границей, но нередки случаи, когда телефон отключается навсегда и его номер передается другому абоненту. Ниже приводится список известных нам отключенных телефонов (из списка исключены номера, которые в конце концов снова включены властями):

а) Лица, у которых были отключены телефоны *после* подписания Заключительного Акта Европейского Совецания:

1) Валентин Турчин, тел. 129-25-30, Москва, декабрь 1975. Доктор Турчин — председатель советской группы "Международной Амнистии".

2) Юрий Орлов, тел. 129-51-60, Москва, ноябрь 1975. Проф. Орлов — член "Международной Амнистии".

3) Вадим Борисов, тел. 452-85-00, Москва, август 1975. Борисов — автор известной статьи в сборнике "Из-под глыб", не одобренной властями.

4) Абрам Юцис, тел. 3-70-74, Одесса, август 1975.

5) Владимир Райз, тел. 75-90-21, Вильнюс, февраль 1976.

6) Татьяна Ходорович, тел. 280-91-02, Москва.

Татьяна Ходорович — известная общественная деятельница. После включения ее телефона (на короткое время) он был отключен снова в дни выезда Леонида Плюща из СССР. В эти же дни был отключен телефон у Татьяны Плющ-Житниковой.

7) Борис Фридман, тел. 37-39-58, Минск.

8) Лев Овсищер, тел. 22-81-63, Минск.

9) Владимир Кислик, тел. 56-55-56, Киев.

10) Марк Нашпиц, 1-62, Тупик, Читинская область.

11) Владимир Войнович, писатель, тел. 151-28-53.

б) Лица, телефоны которых были отключены до подписания Заключительного Акта, но не были включены после его подписания и не включены до сих пор:

1) Нина Ивановна Буковская, 463-12-59, Москва. Телефон отключен 30 июля 1975 г. Мать известного узника совети Владимира Буковского.

- 2) Владимир Слепак – 229-57-82, Москва.
- 3) Владимир Престин – 162- 79 - 22.
- 4) Павел Абрамович – 461-81-38.
- 5) Юлий Кошаровский – 264-93-75.
- 6) Ида Нудель – 172-43-64.
- 7) Александр Лернер – 137-53-96.
- 8) Изабелла Новикова – 301-11-39.
- 9) Иосиф Бейлин – 161-42-83.
- 10) Марк Новиков – 164-19-83.
- 11) Виталий Рубин – 223-54-72, 294-97-59.
- 12) Виктор Браиловский – 433-92-28.
- 13) Виктор Елистратов – 162-39-00.
- 14) Владимир Шахновский – 482-92-32.
- 15) Евгений Барас – 241-46-02.
- 16) Феликс Кандель – 151-96-85.
- 17) Евгений Якир – 129-26-30.
- 18) Григорий Розенштейн – 129-12-73.
- 19) Николай Шепелев – 461-88-76.
- 20) Аркадий Полищук – 287-47-11.
- 21) Лидия Воронина – 295-57-77.
- 22) Илья Эссас – 187-85-57.
- 23) Наум Коган – 479-80-62.
- 24) Иосиф Блих – 10-98-98, Ленинград.
- 25) Григорий Роман – 14-73-66, Ленинград.
- 26) Григорий Иоффе – 19-52-21, Ленинград.
- 27) Екатерина Давидович – 32-71-14, Минск.
- 28) Григорий Хесс – 24-27-40, Минск.
- 29) Анна Иоффе – 22-14-29, Минск.
- 30) Кушнер – 37-18-73.
- 31) Исая Гольдштейн – 22-71-19, Тбилиси.
- 32) Ида Штерн – 2-88-13, Винница.

Оба списка не являются полными. В тех редких случаях, когда власти не хотят по каким-либо причинам отключать телефон (например, телефон академика Сахарова) или же когда абоненты пользуются телефонами государственных телефонных отделений, нежелательные для властей разговоры заглушаются или прерываются. Нами зафиксированы многочисленные случаи, когда обоим абонентам, ожидающим разговора друг с дру-

гом, сообщается, что "разговор не состоится, так как второй абонент не явился" или "телефон абонента не отвечает".

3. Под не меньшим контролем, чем телефонная связь, находится почтовая связь с границей. В этом случае, правда, намеренное пресечение связи доказать сложнее, так как представители почтового ведомства всегда ссылаются на то, что письма не доставляются не по их вине. Опыт тех, кто пытается в судебном порядке получить компенсацию за многочисленные письма, не полученные ими и не дошедшие до них (например, Исай и Григорий Гольдштейны в Тбилиси, Марк Абрамович в Кишиневе, Ида Нудель в Москве), показывает, что каждый раз безрезультатное расследование затягивается на годы. Тем не менее, в ряде случаев пресечение почтовой связи было более чем очевидным. Например (еще до подписания Заключительного Акта), в апреле 1975 г. во время 22-дневной голодовки Владимира Слепака в Москве на его имя, по сообщениям американских еврейских организаций, было послано около 4-х тысяч телеграмм. Он, однако, не получил ни одной. Ида Нудель не получила ни одной из многочисленных телеграмм, посланных ей из-за границы в день рождения 27 апреля 1976 г., т. е. уже после подписания Заключительного Акта.

Доктор Валентин Турчин, председатель группы "Международной Амнистии", сообщает: "Через несколько месяцев после принятия группы в организацию "Международная Амнистия", в начале 1975 г., полностью перестали пропускать материалы и письма, посылаемые из Лондона. До конца 1975 г. я поддерживал связь с Лондоном по телефону. 11 декабря был отключен телефон. Сначала было сказано, что на шесть месяцев. Если судить по примеру Орлова, то, вероятно, телефон не будет включен и через шесть месяцев. Таким образом, связь с Лондоном полностью перекрыта. Невозможно даже сказать, сколько материалов было отправлено за это время из Лондона и задержано властями. Возможно, видя, что материал не доходит, генеральный секретариат МА прекратил посылку материалов.

Наши письма, посылаемые за границу в защиту узников советских *иностранных государств*, тоже, вероятно, не доходят до адресатов, так как перехватываются по дороге. Из нескольких десятков писем, посланных членами группы за границу, значи-

тельная часть (около половины) была послана с уведомлением о вручении. И только один раз было получено уведомление (письмо Виктора Соколова министру внутренних дел Испании Перальта).

Но и помимо "Амнистий" личные письма часто задерживаются властями. Чаще пропускаются открытки. Регулярно приходят только научные журналы. Остальные журналы и книги, как правило, пропадают. Директор Американской федерации ученых Джереми Стоун послал мне в ноябре 1975 г. свою книгу о проблеме разоружения. Книга пропала. В местном отделении связи меня заверили, что она к ним не поступала. С другой стороны, словарь, посланный тем же Стоуном, благополучно был доставлен мне на квартиру. Власти, следовательно, ведут отбор по вполне очевидным признакам. Но книги и журналы, пользующиеся спросом на внутреннем рынке, очень часто тоже пропадают. Наши американские друзья подписали моего сына на журнал "Нейшнл Джографик" на 1975 г. За это время пришел только один номер. Журнал, очевидно, прельстил цензоров прекрасными фотографиями. Шведский математик Ларс Элден послал мне летом 1975 г. исторический роман о шведских викинггах (варягах) в России. Книга не дошла".

4. Все эти сообщаемые нами факты говорят о продолжающихся нарушениях гуманитарных статей Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе — как в пункте "Контакты между людьми", так и, по существу, в пункте "Информация".

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений: *Юрий Орлов, Виталий Рубин, Анатолий Шаранский, Людмила Алексеева.*

27 мая 1976 г.

ОБ УСЛОВИЯХ СОДЕРЖАНИЯ УЗНИКОВ СОВЕСТИ

Узники совести в СССР подвергаются физическим и моральным мучениям. Законодательно предусмотрены принудительный труд, систематические ограничения в питании, дополнительные мучения в штрафном изоляторе лагеря и в карцере тюрьмы. Нормы питания, определяемые внутренними неопубликованными приказами Министерства внутренних дел СССР и утвержденные Советом Министров СССР, в настоящее время даже ниже, чем те, которые существовали до 1969-70 годов и названы А.И. Солженицыным в "Архипелаге ГУЛаг" (VII часть) и А.Т. Марченко в книге "Мои показания". Нормы в тюрьме на "режиме пониженного питания" и в карцере, а также в лагере во внутрилагерной тюрьме и штрафном изоляторе — обеспечивают подлинную пытку голодом. Положение усугубляется тем, что продукты, которыми снабжают узников, отличаются крайне низким качеством, иногда вообще несъедобны. Недостаточное питание, голод сочетаются с тяжелым принудительным трудом, а также в ряде случаев с очень неблагоприятными жилищными условиями: холодные, сырые, вонючие камеры без дневного света и воздуха. В карцере и штрафном изоляторе законодательство предусматривает отсутствие матраца и каких-либо иных постельных принадлежностей, внутренними приказами запрещено пользование верхней одеждой — узник страдает от холода; нары или топчан, на деревянных досках которых можно лежать, — разрешены только в ночное время, в остальное время суток в карцере — каменные сырые стены, каменный сырой грязный пол — не на чем даже сидеть, не к чему прислониться.

Сейчас вопрос о пытке голодом, о пытках в штрафном изоляторе и в карцере стоит особенно остро: все большее число узников совести подвергается наказаниям, последние становятся все более тяжкими — более продолжительными.

Так, находящийся во Владимирской тюрьме видный борец за человеческие и гражданские права в СССР Владимир Буковский в июле и ноябре 1975 г. водворялся в карцер каждый раз на 15 суток; весь август месяц его держали на так называемом "пониженном питании", до конца января 76 г. — "строгий режим"; с 18 февраля — снова месяц "пониженного питания" и затем "строгий режим" до конца августа 76 г.

В той же Владимирской тюрьме известный деятель украинской культуры Александр Сергиенко в мае и октябре 75 г. и в марте 76 г. подвергался наказанию карцером, последние 2 раза — по 15 суток; месяц (июнь 75 г.) он находился на "пониженном питании" и до декабря — на "строгом режиме".

Применению этих пыток не помешало и то, что оба они тяжело больны: у Буковского — холецистит, язва двенадцатиперстной кишки, ревматизм и ревмокардит; у Сергиенко — туберкулез легких, около года назад он перенес плеврит... (неразборчиво) ..... Буковского и Сергиенко наказывают за то, что они отказываются участвовать в принудительном труде; карцер в октябре, ноябре и марте — за протесты против жестокого обращения с другими заключенными, в том числе за жалобы в официальные инстанции.

По имеющимся у нас сведениям, не менее 30 политзаключенных Владимирской тюрьмы за последние 9-10 месяцев были подвергнуты аналогичным наказаниям. В марте-мае 76 г. в карцере находились не менее 8 политзаключенных, некоторые по 25-45 суток — наказания за связь между камерами, за попытки передать на волю информацию о положении в тюрьме.

* * *

В последний год советское правительство впервые за свою историю связало себя двумя международными соглашениями, запрещающими применение пыток и жестокого, бесчеловечного обращения.

Международный пакт о гражданских и политических правах, обязательства по которому, согласно пункту VII части А

раздела 1 Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, должно выполнять советское правительство, гласит:

"Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению или наказанию" (статья 7 часть III Международного пакта о гражданских и политических правах).

Кроме того, сам Заключительный Акт Хельсинкского Совещания предусматривает "осуществление гражданских, политических... и других прав и свобод, которые все вытекают из достоинства, присущего человеческой личности..." (пункт VII часть А раздел 1).

* * *

Приведенная информация, основывающаяся на большом количестве документов и материалов (см. приложение № 1), свидетельствует, по мнению Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, о грубых нарушениях советской администрацией положений пункта VII части А раздела 1 Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Поскольку Группа не считает применение пыток и жестокого, бесчеловечного обращения с политзаключенными формой "осуществления ... государством-участником прав, присущих его суверенитету" (пункт VI часть А раздел 1), постольку она не распространяет на пытки и жестокое, бесчеловечное обращение, обусловленные этим суверенитетом, "невмешательство во внутренние дела" государств-участников Хельсинкского Совещания (пункт VI часть А раздел 1).

На этом основании Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР считает необходимым создание Международной комиссии по расследованию заявленных нарушений, в первую очередь — пыток голодом, пыток карцером узников совести в СССР.

Группа готова представить комиссии все имеющиеся в распоряжении Группы документы и материалы.

К настоящему заявлению прилагается список свидетелей, включающий людей, испытавших на себе пытки голодом, пытки штрафным изолятором и карцером:

Прилагаются также конкретные сведения о питании и некоторых условиях содержания, а также список 31 политзаключенного Владимирской тюрьмы, подвергшегося пыткам голодом и карцером после подписания Хельсинкского соглашения.

Группа считает, что деятельность комиссии должна продолжаться до прекращения пыток и бесчеловечного обращения с узниками в исправительно-трудовых учреждениях — тюрьмах и лагерях СССР.

Москва, 17 июня 1976 г.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР: *Юрий Орлов, Александр Гинзбург, Мальва Ланда, Людмила Алексеева, Анатолий Щаранский.*

Приложение 1

Документы и материалы на которых основывается приведенная в Заявлении информация

1. Исправительно-трудовое законодательство СССР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР.
2. "Хроника текущих событий — Движение в защиту прав человека в Советском Союзе продолжается" (до № 39, март 76 г.)
3. Анатолий Марченко "Мои показания", 1967 г.
4. Александр Солженицын "Архипелаг ГУЛаг", часть VII, 1976 г.
5. Неопубликованные секретные приказы, инструкции МВД СССР*.
6. Устные свидетельства родственников узников совести, находящихся во Владимирской тюрьме, Мордовских лагерях строгого и особого режима, Уральских лагерях строгого режима.
7. Письменные заявления, жалобы родственников узников совести в советско-партийные органы: Главное управление исправительно-трудовыми учреждениями СССР (ГУИТУ), МВД СССР, прокуратуры РСФСР и СССР, ЦК

---

* Выдержки из этих приказов получены из неофициальных источников.

КПСС, 25-му съезду КПСС и др.

Официальные ответы на эти заявления и жалобы.

Письменные заявления родственников узников совести, адресованные международной общественности, "Международной Амнистии" и др., а также западным коммунистическим партиям.

8. Письменные заявления, открытые и неоткрытые письма политзаключенных, в том числе узников совести, находящихся во Владимирской тюрьме, Мордовских лагерях строгого и особого режима, Уральских лагерях строгого режима.

Заявления и жалобы, адресованные в советско-партийные органы: областные прокуратуры, прокуратуры РСФСР и СССР, Верховный Совет СССР, ЦК КПСС, 25-му съезду КПСС и др. Ответы на некоторые жалобы*.

9. Приговоры лиц, осужденных по обвинению в "антисоветской агитации и пропаганде"***

Приложение 2

Условия заключения. Питание. Содержание в камерах**

"... Индивидуализация наказания при его назначении предполагает выбор такого вида и такого размера наказа-

---

* Внутренние приказы МВД СССР категорически запрещают передачу какой-либо информации о положении в исправительно-трудовых учреждениях. Администрация жестоко наказывает за попытки передачи информации в обход официально существующей для писем цензуры.

Копии жалоб в официальные советские инстанции и копии ответов на жалобы то и дело изымаются у политзаключенных на постоянно проводящихся обысках.

Таким образом, передача материалов и документов из мест лишения свободы представляет чрезвычайные трудности и связана с очень большим риском.

** Советская администрация прячет эти приговоры не только от широкой общественности, но даже от близких родственников осужденных.

*** Сведения о питании и других условиях содержания политзаключенных в СССР приведены в отчете "Международной Амнистии" за 1975 г. "Узники совести в СССР. Обращение и условия". Эти сведения соответствуют действительному положению. Имеются отдельные неточности и ошибки. Некоторые из них отмечаются в нижеследующем тексте. В последнем делается акцент на планомерном ограничении питания и планомерном, регулируемом законодательством и внутренними приказами причинении других страданий; разграничиваются ограничения и страдания, регулируемые законодательством (Исправительно-трудовое законодательство — ИТЗ и Исправительно-трудовой кодекс — ИТК), и таковые, определяемые внутренними секретными приказами, роль которых все более увеличивается... (неразборчиво)...

ния, которые обеспечили бы *кару* осужденного, а также... цели его исправления и перевоспитания. Различные виды лишения свободы неодинаковы по степени тяжести. Так, степень *кары* больше при осуждении к лишению свободы с отбыванием наказания в тюрьме, чем при осуждении к этому же наказанию с отбыванием в исправительно-трудовой колонии. Также большую степень *кары* выражает лишение свободы, отбываемое в колонии особого режима, нежели в колонии строгого режима; в колонии строгого режима, чем в колонии усиленного режима; в колонии усиленного режима, чем в колонии общего типа.

... Дифференциация наказания предполагает деление (классификацию) всех осужденных к лишению свободы на ... группы, нуждающиеся в сравнительно одинаковом *карательном* и воспитательном воздействии..." Комментарий к Основам исправительно-трудового законодательства, ст. 13.

Обвиняемые в "антисоветской агитации и пропаганде" — то есть узники совести, осужденные невинно в нарушение ст. 19 Всеобщей декларации прав человека (право на свободу убеждений) и ст. 125 Конституции СССР, а также обвиняемые в "измене родине" — нередко в нарушение ст. ... Всеобщей декларации прав человека и в нарушение ст. 17 и ст. 125 Конституции, — официально квалифицируемые как "особо опасные государственные преступники", направляются для отбывания наказания в "колонии" (лагеря) строгого режима, в тюрьму, а также — осужденные повторно — в лагеря особого режима.

"Индивидуализация наказания" политзаключенных выражается также в том, что их содержание, дополнительные наказания, перемещения, предоставление им медицинской помощи и т. д. — регулируются Комитетом госбезопасности (постоянные уполномоченные КГБ при исправительно-трудовых учреждениях, более высокие инстанции КГБ).

"1. Режим отбывания наказания — одно из основных средств исправления и перевоспитания осужденного. В режиме отражается суть наказания и присущая ему *кара*...

Неотвратимость наказания за малейшее нарушение этих требований..." — Комментарий к Основам ИТЗ, ст. 19.

"В зависимости от поведения и *отношения к труду* условия содержания осужденных могут изменяться как в преде-

лах одного исправительно-трудового учреждения, так и путем перевода в другие исправительно-трудовые учреждения...” — Основы ИТЗ, ст. 22.

Политзаключенные, не идущие на компромиссы с администрацией, с Госбезопасностью, сохраняющие свое человеческое достоинство, — то и дело подвергаются наказаниям “за нарушение режима”, нередко случаи перевода из лагеря в тюрьму.

Питание. Исправительно-трудовое законодательство СССР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (и союзных республик) скрупулезно регулирует право приобретения заключенным — за его собственный счет — продуктов питания и предметов первой необходимости, а также право получения помощи — посылок, передач, бандеролей — извне. Предусматривается также лишение даже этих мизерных прав — в виде наказания, меры “взыскания”.

Приобретать продукты питания и предметы первой необходимости разрешено только на деньги, заработанные в исправительно-трудовом учреждении — ИТУ; в лагере строгого режима — на сумму до 5 рублей в месяц, в лагере особого режима — до 4 руб., в тюрьме на общем режиме — до 3 руб., в тюрьме на строгом режиме — до 2 рублей в месяц*.

Одна из “мер взыскания” — лишение права пользоваться ларьком на месяц (см. Основы ИТЗ, ст. 34)**.

“... Перечень продуктов питания и предметов первой необходимости, на покупку которых осужденные к лишению свободы могут расходовать деньги, определяется *Правилами внутреннего распорядка* исправительно-трудовых учреждений” — Комментарий к Основам ИТЗ, ст. 23.

Правила внутреннего распорядка — ПВР — определяются неопубликованными секретными приказами и инструкциями Министерства внутренних дел СССР, в частности, объемистым

---

* На 1 рубль можно купить 5 кг дешевого белого хлеба, или 1 кг наиболее дешевых конфет, или 600 г подсолнечного масла, или 300 г сливочного масла, или 300-350 г более-менее полноценного сыра...

Продукты в лагерьном или тюремном ларьке обычно очень низкого качества, нередко лежалые, начавшие портиться.

** Многие политзаключенные лишены права пользоваться ларьком по нескольку месяцев в году.

приказом № 020, изданным в 1972 г.

В перечне продуктов отсутствуют сахар, мед, мясные изделия, молоко, стуженное молоко, шоколад и ряд других питательных продуктов.

Нередко в продаже отсутствуют даже разрешенные в перечне продукты, например, лук, чеснок, свежие овощи (фрукты запрещены), подсолнечное масло.

Продукты обычно очень низкого качества, нередко залежавшиеся, начавшие портиться.

Посылки (передачи) и бандероли регламентируются ИТЗ и ИТК:

"... В тюрьмах получение посылок и передач не разрешается". — Основы ИТЗ, ст. 25.

"Право на получение посылок или передач у осужденных, отбывающих наказание в исправительно-трудовых колониях, наступает не ранее чем по отбытии ими половины срока наказания".

"Лишаются права на получение посылок или передач осужденные, переведенные в порядке дисциплинарного взыскания в помещения камерного типа колоний общего, усиленного и строгого режима и в одиночную камеру колонии особого режима..." — Комментарий к Основам ИТЗ, ст. 25.

Вес посылки или передачи, согласно ИТЗ и ИТК, не более 5 кг. Количество посылок определяется, согласно ИТЗ, исправительно-трудовыми кодексами союзных республик.

ИТК РСФСР разрешает: в исправительно-трудовой колонии (лагере) строгого и особого режима — не более одной посылки или передачи в год (см. ИТК РСФСР, ст. 64) *.

Одна из "мер воздействия" — лишение права на посылку (см. Основы ИТЗ, ст. 34) **.

Отсутствует в Основах ИТЗ и ИТК, но официально существует перечень разрешенных продуктов.

Разрешены: хлеб, хлебо-булочные изделия, сельдь, консервы рыбные, мясо-растительные, сало-бобовые, овощные, фрук-

---

* В отчете "Международной Амнистии" за 1975 г. на стр. 62 указаны три посылки в год. Три посылки разрешены только в лагере общего режима.

** Политзаключенных нередко лишают права на посылку.

товые, жиры, сыр, конфеты, повидло, лук репчатый, чеснок.

Не пропускаются в посылках (или в передачах): сахар, мед, шоколад, мясные изделия, фрукты и др.*

Разрешены 2 бандероли в год весом до 1 кг каждая.

В Комментарий к Основам ИТЗ приводится перечень предметов и продуктов, которые разрешено посылать в бандеролях: "сухие кондитерские изделия, за исключением шоколада и изделий из него".

"Сухие кондитерские изделия, поступившие в бандеролях в адрес лиц, содержащихся в помещениях камерного типа колоний общего, усиленного и строгого режима, в одиночных камерах колоний особого режима, а равно на строгом режиме в тюрьмах, выдаются адресатам только после отбытия ими взыскания", — Комментарий к Основам ИТЗ, ст. 25.

"... бандероли не вручаются только осужденным, водворенным в штрафной, дисциплинарный изолятор или в карцер, до отбытия ими взыскания", — Комментарий к Основам ИТЗ, ст. 25.

Нормы питания охарактеризованы в Исправительно-трудовом законодательстве СССР и Исправительно-трудовом кодексе РСФСР только в самых общих чертах.

"Осужденные получают питание, обеспечивающее нормальную жизнедеятельность организма. Нормы питания дифференцируются в зависимости от ... характера выполняемой осужденными работы и их *отношения к труду*. Лица, водворенные в штрафной или дисциплинарный изолятор, в карцер, в помещения камерного типа, а также в одиночную камеру в колонии особого режима, получают питание по *пониженным нормам*", — Основы ИТЗ, ст. 36.

"7. ... за питание и одежду из заработка осужденных производится удержание их стоимости...

8. Норма о взыскании с осужденных, злостно уклоняющихся от работы, стоимости питания и одежды из средств, имеющих на их лицевых счетах, направлена против тунеядцев... Такие удержания осуществляются не в качестве меры

---

* До 1969 г. разрешалось больше посылок, в тюрьме — до 2-х посылок в год. Ассортимент не ограничивался, например, можно было посылать *мед*. Ограничения ассортимента в последние годы становятся все более жесткими.

взыскания и поэтому не только не исключают, но и предполагают применение к лицам, злостно уклоняющимся от работы, мер взыскания. Под злостным уклонением от работы следует понимать отказ осужденных от работы или систематическое невыполнение производственных норм и установленных заданий...” — Комментарий к Основам ИТЗ, ст. 36*.

”Нормы питания и материально-бытового обеспечения лиц, лишенных свободы, устанавливаются Советом Министров СССР”, — Основы ИТЗ, ст. 36.

Конкретно нормы питания определяются внутренними, неопубликованными секретными приказами МВД СССР.

Эти нормы отнюдь не обеспечивают ”нормальную жизнедеятельность организма”; нормы ”помещения камерного типа” (ПКТ — внутрилагерная тюрьма), применяемого в тюрьме ”режима пониженного питания”, а также карцера и штрафного изолятора (ШИЗО) нельзя квалифицировать иначе, чем пытку голодом.

”По норме 9-а довольствовать выполняющих нормы выработки осужденных, переведенных в ПКТ или водворенных в ШИЗО с выводом на работу.

По нормам 9-б довольствовать злостно отказывающихся от работы или умышленно не выполняющих норм выработки осужденных, переведенных в ПКТ. Осужденных, водворенных в ШИЗО без вывода на работу или с выводом на работу, но злостно отказывающихся от работы или умышленно не выполняющих норм, довольствовать горячей пищей через день. В день лишения горячей пищи им выдается 450 г хлеба, соль и кипяток;” — из приказа МВД СССР № 025 (?).

Ниже приводятся некоторые нормы питания и ориентировочные данные о калорийности и содержании белков в выдаваемых по этим нормам продуктах. (Расчеты сделаны для про-

---

* Из суммы, начисленной за работу, 50% вычитается в пользу государства (МВД); из оставшейся суммы вычитается стоимость положенных по нормам питания продуктов (вместе с накладными расходами). Обычно эта сумма составляет 13-15 рублей в месяц. Заключение обязан ходить в одежде специального образца, с него вычитается стоимость выдаваемой ему одежды.

дуктов удовлетворительного, соответствующего государственным стандартам качества.)

Норма № 1 — "общая" норма в лагере строгого режима:

хлеб ржаной	— 650 г
мука пшенич.	— 10 г
крупы разные	— 110 г
макароны	— 20 г
мясо	— 50 г
рыба	— 85 г
жиры	— 10 г
масло растит.	— 15 г
сахар	— 20 г
картофель	— 450 г
капуста и др. овощи	— 200 г
томат. паста	— 5 г

Общая калорийность около 2500, содержание белковой массы около 65 г.

Норма 9-а — помещение камерного типа — ПКТ в лагере строгого режима и одиночная камера в лагере особого режима:

хлеб ржаной	— 600 г
мука пшеничная	— 10 г
крупы разные	— 80 г
макароны	— 10 г
мясо	— 30 г
рыба	— 75 г
жиры	— 00 г
масло растит.	— 15 г
сахар	— 10 г
картофель	— 350 г
капуста и др.	— 200 г
томат. паста	— 5 г

Общая калорийность около 2100, содержание белковой массы около 55 г.

Норма 9-б — "режим пониженного питания", а также рацион

дня с горячим питанием в штрафном изоляторе — ШИЗО и в карцере.

хлеб ржаной	— 450 г*
мука пшеничная	— 10 г
крупы разные	— 50 г
рыба	— 60 г
мясо	— 00 г
жир (или растит. масло)	— 6 г
картофель	— 250 г
капуста	— 200 г
томат. паста	— 5 г

Общая калорийность около 1400, содержание белковой массы — 38 г

Норма 9-б в ШИЗО и в карцере в день без горячей пищи:

хлеб ржаной	— 450 г
-------------	---------

Общая калорийность около 900, содержание белковой массы — 22,5 г.

Средняя общая калорийность в ШИЗО и в карцере — 1150, среднее содержание белковой массы — 30 г.

В тюрьме при "общем режиме" продукты, предусмотренные нормой, содержат около 2000 калорий и около 51 г белковой массы; при "строгом режиме" — около 1750 калорий и около 49 г белковой массы; при "режиме пониженного питания" — около 1400 калорий и около 38 г белковой массы.

Во Владимирской тюрьме при всех режимах полагается 450 г ржаного хлеба, что соответствует, если хлеб удовлетворительного качества, — 900 калориям и 22,5 г белковой массы**.

Весной 1975 г. политзаключенным, которые начали рабо-

---

* В отчете "Международной Амнистии" за 1975 г., стр. 56, приведены нормы одного дня ШИЗО, почему-то названные "особым режимом", но указано, что питание по такой норме дается только через день, а через день — только хлеб, 450 г.

** В отчете "Международной Амнистии", стр. 57, ошибочно сказано, что на "строгом режиме" в тюрьме выдается 400 г хлеба; несколько занижена, по-видимому, формально вычисляемая калорийность продуктов, полагающихся на "строгом режиме" в тюрьме.

тать, выдавали дополнительно 100 г хлеба в день и 100 г мыла в месяц*.

Рацион "пониженного питания" (Владимирская тюрьма): 450 г черного хлеба, недопеченного, сырого, кислого, тяжелого и, кроме того:

завтрак	— 60 г. кильки или тюльки, нередко совершенно гнилой, несъедобной;
обед	— около половины литра постных жидких щей или постного жидкого супа (в щах, кроме гнилой вонючей капусты, плавает несколько кусочков картошки, часто черной; в супе столько же картошки и немного крупы, перловой или овсяной);
ужин	— около стакана жидкой каши (овес, перловая крупа или пшено, сваренные на воде).

Общее количество жира (или растительного масла?) по одним данным — 3-4 г в сутки, по другим — 5-6 г в сутки (жир кладется в пищу).

Многие политзаключенные утверждают, что голод при "режиме пониженного питания", учитывая его продолжительность — один месяц, — не менее мучителен, чем в карцере или в ШИЗО, если находиться там 10-15 суток.

Согласно Исправительно-трудоувному законодательству продолжительность содержания в помещении камерного типа — ПКТ, в одиночной камере в лагере особого режима, а также на "строгом режиме" в тюрьме — от 2-х до 6-ти месяцев**.

"Режим пониженного питания" ИТЗ не предусмотрен. Однако этот режим неизменно назначается на первый месяц "строгого режима" во Владимирской тюрьме. Очевидно, это предусмотрено внутренними приказами МВД СССР.

ИТЗ (и ИТК) ограничивает срок содержания в ШИЗО и в карцере 15-ю сутками. Однако в последние годы, особенно в

---

* В отчете "Международной Амнистии", стр. 59, указывается, что они получали также "некоторое количество меда". Это ошибка. Мед заключенным не дают (а также не разрешают получать в посылках, передачах, бандеролях).

** Там же, стр. 57, ошибочно указано — до 2-х месяцев.

последние месяцы, нередки случаи, когда в карцере или в ШИЗО непрерывно или с очень небольшими промежутками держат значительно большие сроки, до 40-50 суток*. Это, по имеющимся у нас сведениям, не противоречит действующим секретным приказам. Содержание в этих камерах пыток ограничивается только так называемыми медицинскими показаниями: политзаключенному не дают умереть...

Таким образом, существующие нормы питания обеспечивают систематически недостаточное и периодически — в течение длительных сроков — катастрофически недостаточное питание.

---

* В Уральском лагере № 35 (учреждение ВС-389-35) политзаключенного И.Вальдмана держали в ШИЗО с 18 августа по 8 октября 75 г. — 38 суток; в критическом состоянии вынесли из ШИЗО в больницу (не додержав двое суток в ШИЗО). 15 октября его взяли на этап во Владимирскую тюрьму. В том же лагере политзаключенного А. Альтмана в сентябре 75 г. держали в ШИЗО 25 суток; затем поместили на 3 месяца в ПКТ. Р. Зограбян за три месяца — октябрь-декабрь 75 г. — находился в ШИЗО 45 суток, затем его поместили в ПКТ. Вальдман и Альтман подвергались перечисленным (и еще нескольким) наказаниям — за отказ от участия в принудительном труде. Зограбян — за то, что отказался работать токарем, требуя, чтобы ему разрешили работать слесарем (у него специальность слесаря; выстоять 8 часов у токарного станка он не может, т. к. у него большая спина).

А. Болонкин (Мордовия, учреждение ЖХ-385-19) в октябре 75 г. был водворен в ШИЗО на 15 суток (фактически пробыл 7 суток, т. к. начал оправляться кровью), в декабре — 12 суток, в феврале 76 г. — 15 суток; последний раз — за попытку передать на волю поздравление Нобелевскому лауреату А. Сахарову.

Во Владимирской тюрьме В. Балахонова держали в карцере в ноябре 75 г. 22 суток (за то, что он требовал перевода в другую камеру по состоянию здоровья: в камере, где он находился, нет канализации, а у него постоянный понос); в апреле 76 г. — 15 суток.

Я. Сусленского в мае 75 г. — 15 суток (в карцере перенес тяжелый сердечный приступ), в январе-феврале 76 г., с небольшим перерывом, 12 и 15 суток, каждое водворение в карцер — за "недопустимые выражения в жалобах" (в марте 76 г., вскоре после выхода из карцера, — церебрально-сосудистый криз).

В. Абанькин в мае 75 г. — 8 суток, в ноябре — 15 суток (начали сильно опухать ноги), в марте-мае 76 г. — 45 суток, причем 30 суток — без вывода из карцера.

Г. Давыдов в марте-апреле 76 г. — 30 суток подряд.

Последние наказания Абанькина, Давыдова и ряда других — за межкамерную связь и попытки передачи информации о положении в тюрьме на волю.

Калорийность ниже минимально необходимой:

в лагере при общем питании (норма № 1) — на 20-30%*
во внутрिलाгерной тюрьме — ПКТ (норма 9-а) — на 35-45%**
в штрафном изоляторе — ШИЗО — на 40-60%**
в тюрьме при "общем режиме" — на 10%**
в тюрьме при "строгом режиме" — на 20%**
в тюрьме при "пониженном питании" — на 35-40%**
Карцер — пытка, не поддающаяся никаким расчетам.

Количество белков ниже минимально необходимого:***

в лагере при общем питании (норма № 1) — на 0-7%
во внутрिलाгерной тюрьме — ПКТ (норма 9-а) — на 15-20%
в штрафном изоляторе — ШИЗО — на 55-60%
в тюрьме при "общем режиме" — на 20-25%
в тюрьме при "строгом режиме" — на 25-30%
в тюрьме при "пониженном питании" — на 40-45%

Фактически заключенные получают еще меньше питательных веществ, чем указано в приведенных выше нормах, так как продукты, которыми снабжаются лагеря и тюрьмы, отличаются крайне низким качеством, иногда вообще несъедобны ****.

---

* Энергетические затраты мужчины, занятого физическим трудом, приняты равными 3100-3900 калорий (данные Технического отчета Всемирной организации здоровья 1973 г. По некоторым отечественным данным энергетические затраты работающего мужчины составляют 4000-4500 калорий).

Согласно Исправительно-трудовому законодательству, заключенный работает 8 часов в сутки, 6 дней в неделю; кроме того, администрация имеет право привлекать его к работе по благоустройству лагеря. Отпусков не полагается.

** Энергетические затраты мужчины в состоянии покоя в нормальной обстановке приняты равными 2200 калорий.

*** Потребность в белках, согласно международным стандартам, принята равной 1 г на килограмм веса, т. е. 65-70 г (при условии, что человек получает достаточное количество калорий).

**** Политзаключенные протестуют против недоброкачественной пищи, пишут заявления, жалобы в надзорные инстанции. Положение не меняется.

За жалобы о гнилой рыбе в августе 75 г. политзаключенные Владимирской тюрьмы Ю. Вудка, Г. Роде и А. Чекалин были водворены в карцер на 7 суток.

В заявлении, адресованном матерью В. Буковского в Прокуратуру СССР, содержалась, в частности, жалоба на крайне недостаточные нормы

Так, черный (ржаной) хлеб обычно недопеченный, сырой, кислый, тяжелый; он значительно отличается от хлеба, поступающего в вольную продажу. Рыба (в тюрьме — килька, тюлька, очень соленая; в лагере — соленая треска или другая соленая рыба) — нередко совершенно испорченная, гнилая. Мясо — самого низкого качества, мясные отходы. Квашеная капуста, употребляемая для приготовления щей или борща, которые входят в рацион несколько раз в неделю, — вонючая, полу-сгнившая или совершенно гнилая. Картофель большую часть года — сушеный, с давно просроченным сроком хранения. И т.д.

Все рационы не содержат или почти не содержат витаминов. В тюрьме нет ни малейшей возможности восполнить этот недостаток.

Следует также иметь в виду, что условия, в которых живут и работают заключенные, в частности политзаключенные, — далеко не удовлетворительные. Особенно это относится к условиям камерного режима в лагере (внутрилагерная тюрьма — ПКТ, лагерь особого режима) и в тюрьме. Штрафной изолятор и, тем более, карцер — рассчитаны на причинение жестоких страданий.

Камерное содержание. Тюрьма.

”2. Лица, отбывающие наказание в тюрьмах, содержатся в камерах. Двери камер всегда закрыты на замок...” — Комментарий к Основам ИТЗ, ст. 21.

питания при ”пониженном питании” и ”строгом режиме”, на которых содержится во Владимирской тюрьме В. Буковский. Официальный ответ поступил из прокуратуры Владимирской области:

”Сообщаю, что Ваша жалоба, поступившая из Прокуратуры СССР, проверена... Положенные по нормам питания продукты в котел закладываются полностью, качество приготовления пищи контролируется врачами...” — 4 июня 76 г., ст. помощник прокурора области, ст. советник юстиции — П.И. Образцов.

В заявлениях, адресованных 25-му съезду КПСС (февраль 76 г.), политзаключенные Владимирской тюрьмы требовали увеличить нормы питания, улучшить его качество; требовали прекратить использование голода в качестве воздействия на политзаключенных, на их убеждения. В поддержку своих требований они в дни съезда держали голодовки.

"1. Особенности режима в тюрьмах обуславливаются в первую очередь составом осужденных...

... Режим в тюрьмах отличается от режима в исправительно-трудовых колониях более строгой изоляцией и охраной осужденных. Это находит выражение как в больших ограничениях связи осужденных с внешним миром, так и в ограничениях общения осужденных между собой..." — Комментарий к Основам ИТЗ, ст. 21.

"3. Поскольку осужденные, отбывающие наказание в тюрьме, постоянно находятся в закрытых помещениях, правилами режима для них предусмотрена ежедневная прогулка на воздухе...

Продолжительность прогулки дифференцируется: для осужденных, содержащихся на общем режиме, — 1 час, на строгом режиме — 30 мин.

... Продолжительность прогулки может быть увеличена в порядке поощрения осужденного. *Лица, водворенные в карцер, на прогулку в течение всего времени отбывания взыскания не выводятся*", — Комментарий к Основам ИТЗ, ст. 21*.

Режим во внутрилагерной тюрьме — ПКТ и в одиночной камере в лагере особого режима — согласно ИТЗ — аналогичен таковому в тюрьме на строгом режиме.

В ИТК РСФСР указывается, что на каждого заключенного в тюрьме полагается не менее 2,5 м² площади (в лагере — не менее 2,0 м²); во Владимирской тюрьме даже эта мизерная норма

---

* Мать политзаключенного А. Сергиенко ходатайствовала о предоставлении ее *туберкулезному* сыну *дополнительной прогулки*.

В медицинском управлении МВД СССР ей ответили, что "неправомочно менять режим туберкулезным больным", в частности, удлинить время прогулки; неправомочно также воспрепятствовать пагубным для здоровья наказаниям, в частности, водворению в карцер.

В Прокуратуре РСФСР отказали в ходатайстве, ссылаясь на "правительственные установки" в вопросах режима. Ей было заявлено, что А. Сергиенко "ведет себя плохо": в 1975 г. — отказался от работы; за один год написал 84 жалобы в высшие инстанции в резких выражениях, критикуя порядки учреждения ОД-1-ст-2 (Владимирской тюрьмы).

иногда не соблюдается.

В камерах Владимирской тюрьмы холодно, сыро, мрачно. Окна загорожены железными жалюзи* — не проникает дневной свет и в значительной степени свежий воздух. Камера освещается электрической лампочкой 60-100 ватт; поскольку политзаключенные обычно много читают, освещение явно недостаточное, устают и портятся глаза.

Пол камеры — каменный, цементный; политзаключенные неоднократно обращались с заявлениями — покрыть пол досками, как это предусмотрено во внутреннем приказе № 020. Доски не настилают.

Камеры 3-го, 4-го и многие камеры 1-го корпуса оборудованы канализацией и водопроводом (в камере — унитаз и водопроводный кран, то есть по существу камера представляет собой совмещенный санузел); канализация нередко засаривается, в камере — вонь.

В камерах 2-го и некоторых камерах 1-го корпуса унитаза и водопроводного крана нет; в камере стоит "параша" (бачок для отправления естественных надобностей); два раза в сутки выводят на "оправку". Многие камеры 2-го корпуса являются камерами тюремной больницы (2-й корпус — больничный), и их антисанитарное состояние переносится особенно тяжело. От долгого пребывания в камерах без канализации нередко развивается геморрой.

Прогулочные дворики — каменные колодцы: каждый дворик, площадью немногим более камеры — 5-6 м х 3-4 м, отгорожен высокой кирпичной стеной, сверху — железная решетка (в камере заключенный вообще не видит неба, на прогулке — небо в клетку; зелени, растительности — не видит никогда). На территорию двориков обычно не попадает солнечный свет.

Карцер.

"... В... штрафных изоляторах осужденным запрещаются свидания, отправка писем, приобретение продуктов питания

---

* В "Архипелаге ГУЛаг" А. Солженицына и в "Моих показаниях" Анатолия Марченко описаны только "намордники" на окнах. Жалюзи появились уже после ... года.

и предметов первой необходимости, получение посылок, передач и бандеролей, пользование настольными играми и курение... *Не выдаются постельные принадлежности и не предоставляются прогулки...*

... Водворение в карцер лиц, содержащихся в тюрьмах, представляет собой специальный дисциплинарный арест, аналогичный водворению в штрафной изолятор. Срок нахождения в карцере... *до 15 суток. Условия нахождения в карцере более суровые, нежели в штрафном изоляторе.*

На осужденных, содержащихся в карцерах, полностью распространяется режим, установленный для штрафных изоляторов. Кроме того, в карцерах введено одиночное содержание..." – Комментарий к Основам ИТЗ, ст. 34.

Очевидно, последние внутренние приказы МВД, как уже отмечалось выше, не согласуются с Исправительно-трудовым законодательством и допускают содержание в карцере значительно более 15 суток. Внутренние приказы предусматривают не только отсутствие матраца и каких-либо иных постельных принадлежностей, но также и отсутствие верхней одежды. Перед водворением в карцер переодевают в специальную одежду: заношенные грязные хлопчатобумажные брюки и куртка. Согласно приказам, температура должна быть не ниже 16-18⁰ Цельсия. Фактически она в ряде случаев гораздо ниже.

Карцер № 4-1 (4-й корпус Владимирской тюрьмы).

Цементные стены и цементный пол. Стены покрыты цементной "шубой" – острыми выступами, буграми. Пол – грязный, сырой (аналогично – в других карцерах).

В глубине метровой стены слепое окно, часть стекла разбита, и окно заклеено обрывками газет. В других карцерах оконная ниша загорожена частой решеткой, даже палец в нее не просунешь. В некоторых окна вообще забиты, заложены кирпичем. Сидеть практически не на чем. Имеется специально оборудованный выступ стены: вертикальный полуцилиндр радиусом около 20-25 см, высотой около 50 см, сверху покрытый доской (по размеру поперечника выступа), окованный по краям железом. Сидеть на таком сооружении невозможно: быстро перенапрягаются и начинают болеть мышцы ног и спины, в спину вонзаются острые бугры цементной "шубы". (Примерно

аналогичные выступы, на которых также невозможно сидеть, имеются и в других карцерах.)

На ночь втаскивается топчан — невысокий деревянный ящик, перевернутый вверх дном (иногда дно пересечено железными полосами). Можно лечь на голые доски и железо. Но холод не дает спать. Часто невозможно даже лежать. Пронзительный холод заставляет все время двигаться.*

Площадь карцера № 4-1 около 3-х кв. м (площадь других карцеров обычно меньше — 2,5 — 2,2 кв. м).

Полутемно. Электрическая лампочка в нише стены загорожена железным щитком с дырочками.

Имеется унитаз — открытый слив без сифона. Сильная вонь. (Нестерпимая вонь — бич многих карцеров. В некоторых оборудована вентиляция, которая втягивает вонь из канализации. Надзиратели иногда включают эту вентиляцию, чтобы досадить или наказать узника. В ряде карцеров канализации нет, стоит "параша".)

Политзаключенных подвергают "специальному дисциплинарному аресту" — *пытке* карцером — за жалобы, в которых администрация усматривает "клеветнические" или "недопустимые" выражения, за невыполнение нормы выработки (весной 75 г.), за отказ от работы,** за межкамерную связь, за попытки передачи информации за стены тюрьмы, за отказ "добровольно отдать религиозную литературу" (Библию), за отказ "добровольно" сбрить усы и т. д. и т. п.

---

* В мае 75 г. Я. Сусленскому после тяжелого сердечного приступа (упал, потеряв сознание, около 5 часов лежал на грязном мокром цементном полу) разрешили не выносить из камеры топчан.

Чрезвычайным случаем является и выдача в карцер бушлата. В ноябре 75 г. несколько заключенных (в том числе В. Абанькин), находящиеся в карцерах в почти не отапливаемом здании — ледяной холод, после нескольких дней настойчивых требований получили наконец разрешение пользоваться в карцере бушлатом.

** За невыполнение нормы выработки были водворены в карцер в мае 75 г. А. Сергиенко, Ю. Вудка.

За отказ от участия в принудительном труде были водворены в карцер летом 75 г. В. Буковский, И. Мешенер, Ю. Гродецкий, М. Макаренко и др. После карцера все они были помещены на "пониженное питание" (один месяц) и "строгий режим" — от 4-х до 6-ти месяцев. В. Буковский, Г. Давыдов и др. были затем помещены на "пониженное питание" и "строгий режим" повторно, на 6 месяцев.

Каждый случай водворения в карцер вызывает поток заявлений, жалоб политзаключенных. В ноябре 75 г. политзаключенные Владимирской тюрьмы держали 5-дневную голодовку — протест против учащающихся наказаний карцером.

Прокуратуры РСФСР, СССР, а также ЦК КПСС не усматривают в охарактеризованных выше мучениях и пытках никаких нарушений законности.

Приложение 3

Политзаключенные Владимирской тюрьмы, подвергавшиеся наказаниям — "режиму пониженного питания", "строгому режиму" и пытке карцером — после подписания Хельсинкского соглашения

АБАНЬКИН	пониж. п. — сентябрь 75, след. 5 мес. — строгий реж.; карцер: май 75 г. — 8, ноябрь — 15, март-май 76 — 45 суток.
АНТОНЮК	пониж. п. — сентябрь 75, след. 3 мес. — строгий реж.
АФАНАСЬЕВ	пониж. п. — декабрь 75, след. 3 мес. — строгий реж.
БАЛАХОНОВ	пониж. п. — август 75, сентябрь — строгий реж.; карцер: ноябрь 75 — 22, апрель 76 — 15 суток.
БОНДАРЬ	пониж. п. — октябрь 75, след. 3 мес. — строгий реж.
БУКОВСКИЙ	пониж. п. — август 75, след. 5 мес. — стро-

В октябре 75 г. больной туберкулезом А. Сергиенко был помещен на 15 суток в карцер за заявление, в котором сообщал об избиениях заключенных надзирателями с явного или подразумеваемого одобрения администрации тюрьмы.

В ноябре 75 г. В. Буковский и трое его сокамерников (В. Абанькин, А. Сафронов, Б. Шакиров) были водворены в карцер "за хулиганские действия" в поддержку "симулянта": им пришлось стучать и шуметь, чтобы вызвать врача к сокамернику Г. Роде, у которого начинался заворот кишок (кровавая рвота, сильные схватки в животе; несколько лет назад у Роде была операция в связи с заворотом кишок).

	гий реж.; пониж. п. — февраль-март 76, след. 5 мес. — строгий реж.; карцер: июль 75 — 15, ноябрь — 15 (фактически пробыл 12 суток: тяжело больного взяли из карцера в больницу).
ВАЛЬДМАН	пониж. пит. — декабрь 75, след. 3 мес. — строгий реж.
ВУДКА	пониж. п. — июнь 75, след. 5 мес. — строгий реж.; пониж. п. — январь 76, след. 1,5 мес. — строгий реж. (потом этап в лагерь); карцер: август 75 — 7 суток.
ГРОДЕЦКИЙ	пониж. п. — август 75, след. 5 мес. — строгий реж.; карцер: июль 75 — 15, сентябрь — 10 суток.
ГАЙДУК	пониж. п. — февраль 76, след. 3 мес. — строгий реж.
ДАВЫДОВ	пониж. п. — июнь 75, след. 3 мес. — строгий реж.; пониж. п. — январь 76, след. 5 мес. — строгий реж.; карцер: март-апрель 76 — 30 суток подряд.
ЗДОРОВЫЙ	пониж. п. — январь 75, след. 5 мес. — строгий реж.
МАКАРЕНКО	пониж. п. — июль 75, след. 5 мес. — строгий реж.; карцер: летом 75 — 23, февраль 76 — 10 суток.
МЕШЕНЕР	пониж. п. — август 75, след. 5 мес. — строгий реж.; карцер: июль 75 — 15 суток (в феврале 76 — освобожд.).
ЛЮБАРСКИЙ	карцер: февраль 76 — 12 суток.
ПАШНИН	пониж. п. — август, след. 3 мес. — строгий реж.; пониж. п. — декабрь 75, след. 5 мес. — строгий реж.; карцер: февраль 76 — 10 суток.
ПЕДАН	пониж. п. — август, след. 3 мес. — строгий реж.; пониж. п. — февраль-март 76, след. 5 мес. — строгий реж.
ПОПАДЮК	пониж. п. — июль 75, след. 3 мес. — строгий реж.

ПРИХОДЬКО	пониж п. — сентябрь 75, след. 3 мес. — строгий реж.
РАКЕЦКИЙ	пониж. пит. — сентябрь 75, след. 3 мес. — строгий реж.
РОДЕ	пониж. п. — май 75, след. 5 мес. — строгий реж.; карцер: август 75 — 7 суток.
РОМАНЕНКО	карцер: январь или февраль 76 — 15 суток.
САФРОНОВ	пониж. п. — сентябрь 75, затем 5 мес. — строгий реж.; карцер: май 75 — 8, сентябрь — 10, ноябрь — 10, апрель 76 — 15 суток.
СЕРГИЕНКО	пониж. п. — июнь 75, след. 5 мес. — строгий реж.; карцер: май 75 — 8, октябрь — 15, март 76 — 15 суток.
СУПЕРФИН	пониж п. — октябрь 75, след. 3 мес. — строгий реж.; карцер: январь 76 — 6 суток.
СУСЛЕНСКИЙ	карцер: май 75 — 15, январь-февраль 76 — 12, февраль-март — 15 суток.
ТУРИК	пониж. п. — октябрь 75, след. 3 мес. — строгий реж.
ФЕДОРЕНКО	карцер: февраль 76 — 15 (фактически пробыл 12 суток: взяли из карцера в очень тяжелом состоянии).
ХНОХ	пониж. п. — сентябрь 75, след. 3 мес. — строгий реж.
ЧЕКАЛИН	пониж. п. — май 75, след. 3 мес. — строгий реж.; пониж. п. — декабрь 75, след. 3 мес. — строгий реж.; карцер: август 75 — 7 суток.
ШАКИРОВ	пониж. п. — сентябрь 75, след. 5 мес. — строгий реж.; карцер: июнь 75 — 15, ноябрь — 10, апрель-май 76 — 25 суток подряд*.

---

* Абанькин, Афанасьев, Буковский, Вудка, Гродецкий, Давыдов, Здоровый, Макаренко, Мешенер, Педан, Сафронов, Сергиенко, Пашнин, Чекалин, Шакиров помещены на "пониженное питание" и "строгий режим" за отказ участвовать в принудительном труде. Антонок, Балахонov, Бондарь, Вальдман, Гайдук, Пашнин (первый раз), Попадюк, Приходько, Ракецкий, Роде, Суперфин, Турик, Хнох помещены на "пониженное питание" и "строгий режим" в связи с их переводом — прибытием во Владимирскую тюрьму из лагерей строгого режима (см. ст. 15 ИТЗ СССР); перевод названных лиц в тюрьму — наказание (интегральная "мера взыскания") за отказ от участия в принудительном труде в лагере — выход на статус политзаключенного. (Перед отправкой в тюрьму в лагере они подвергались водворению в ПКТ, в ШИЗО, а также ряду других наказаний. Период этапа также нередко является чрезвычайно тяжким; питание на этапе: тюремный хлеб и селедка, вода часто дается всего два раза в сутки.)

По-видимому, нам известны не все случаи наказаний во Владимирской тюрьме, и перечень является неполным.

Приложение 4

Список свидетелей*

1 — фамилия, имя, отчество; 2 — год рождения; 3 — год ареста**; 4 — срок лишения свободы; 5 — срок ссылки; 6 — статья — ст. ...***; 7 — где находится в настоящее время: (ВТ) — Влад. тюрьма; (35), (36), (37) — Уральские лагеря строгого режима; (3-5), (3-4), (17), (19) — Мордовские лагеря строгого режима; (1,0) — Мордовия, лагерь особого режима; освобожден...

---

* Нам известно, что названные в списке лица подвергались и подвергаются (кроме тех, кто уже освобожден по окончании срока) жестокому, бесчеловечному обращению, в том числе находились в ПКТ, ШИЗО, иногда также на "режиме пониженного питания" и в карцере. Мы полагаем, что названные лица способны дать честные, правдивые показания. Мы не спрашивали их согласия дать эти показания. Мы еще раз напоминаем о необходимости оградить их от возможных репрессий в случае, если они будут выступать в качестве свидетелей и дадут честные, правдивые показания (это не относится к лицам, уже эмигрировавшим за границу).

** Если арест повторный (человек ранее уже отбыл наказание примерно по аналогичному обвинению) после даты ареста ставится знак *, в некоторых случаях перед годом последнего ареста указываются в скобках годы предыдущего заключения.

*** Ст. 70 — "антисоветская агитация и пропаганда";

ст. 64 — "измена родине";

ст. 58 — "контрреволюционная деятельность" — старый Уголовный кодекс, действовавший до 1953 г.

Лег. № 35 — Пермская обл., Чусовской р-н, ст. Всесвятское, учр. ВС-389-35;

Лег. № 36 — Пермская обл., Чусовской р-н, ст. Кучино, учр. ВС-389-36;

Лег. № 37 — Пермская обл., Чусовской р-н, ст. Кучино, учр. ВС-389-37;

Лег. № 3-4 — Мордовская АССР, ст. Потьма, пос. Барашево, учр. ЖХ-385/3-4;

Лег. №3-5 — Мордовская АССР, ст. Потьма, пос. Барашево, учр. ЖХ-385/3-5;

Лег. № 17 — Мордовская АССР, ст. Потьма, пос. Озерный, учр. ЖХ-385/17.

Лег. № 19 — Мордовская АССР, ст. Потьма, пос. Лесной, учр. ЖХ-385/19.

	2	3	4	5	6	7
АБАНЬКИН						
Витольд Андреевич	46	66	12	—	ст. 64	(ВТ)
АЙРИКЯН						
Паруйр Аршарович	49					
	(69-73)	73	7	3	ст. 70	(17)
АЛЪТМАН						
Анатолий Адольфович	41	70	10	—	ст. 64	(35)
АНТОНЮК						
Зиновий Павлович	33	72	7	3	ст. 70	(ВТ)
АССЕЛЬБАУМ Вилис [?]	23	52	25	—	ст. 58	(35)
БАБИЧ Сергей	освобожден в январе 75 г., адрес: Житомирская обл.					
БАЛАХОНОВ						
Владимир Федорович	35	73	12	—	ст. 64	(ВТ)
БОЛОНКИН						
Александр Александрович	32	72	4	—	ст. 70	(19)
БОНДАРЬ						
Николай Васильевич	39	70	7	—	ст. 70	(ВТ)
БУДУЛАК-ШАРЫГИН						
Николай Александрович	26	68	10	—	ст. 64	(ВТ)
БУТМАН						
Гилель Израилевич	47	70	10	—	ст. 64	(35)
БУКОВСКИЙ						
Владимир Константинович	42	71	7	5	ст. 70	(ВТ)
ВАЛЬДМАН						
Иоган Эрнестович	48	68	8	—	ст. 64	(ВТ)
ВУДКА						
Юрий Вениаминович	47	69	7	—	ст. 70	(36)
ГАЙДУК						
Роман Васильевич	37	74	5	2	ст. 70	(ВТ)
ГЕЛЬ Иван Андреевич	38	72*	10	5	ст. 70	(1,0)
ГЛАДКО						
Георгий Владимирович	42	62	13	—	ст. 64	— освобожд. в июне 75 г., под надзором, адрес: Ростовская обл., г. Аксай, Транспортная, дом 13-а
ГЛУЗМАН Семен	46	72	7	5	ст. 70	(35)

ГОРБАЛЬ Микола Андреевич 41 71 5 2 ст. 70
в ссылке: Томская обл., с. Пар-
бель, СУ-6 (вагончик 16)

ГРИНЬКИВ

Димитро Димитрович 48 73 7 3 ст. 70 (36)

ГРОДЕЦКИЙ

Юрий Леонидович 38 72 4 — ст. 64 (ВТ)

ДАВЫДОВ

Георгий Валентинович 41 72 5 2 ст. 70 (ВТ)

ДЕМИДИВ

Дмитрий Ильич 48 73 5 — ст. 70 (35)

ЗАЛМАНСОН

Израиль Иосифович 49 70 8 — ст. 64 (37)

ЗАХАРЧЕНКО Василий 38 72 5 — ст. 70 (35)

ЗДОРОВЫЙ

Анатолий Кузьмич 38 72 7 — ст. 70 (ВТ)

ЗОГРАБЯН Размик 50 74 7 — ст. 70 (35)

КАЛЫНЕЦ Игорь 38 72 6 3 ст. 70 (35)

КАНДЫБА Иван Алексеевич 30 61 15 — ст. 70,64 —
освобожден в январе 76 г., под
надзором, адрес: Львовская обл.,
р-н Пустомыты, Шевченко 176

КАРАВАНСКИЙ

Святослав Иосифович 20 (44-61)
65 10 4 ст. 70 (1,0)

КОВАЛЕВ Сергей Адамович 32 74/5 7 3 ст. 70 (36)

КУЗНЕЦОВ

Эдуард Самойлович 38 70 15 — ст. 64 (1,0)

ЛИСОВОЙ

Василий Семенович 37 72 7 3 ст. 70 (3-5)

ЛУКЪЯНЕНКО

Лев Григорьевич 29 61 15 — ст. 70, 64 —
освобожден в январе 76 г., под
надзором, адрес: г. Чернигов, Ро-
косовского 41-б, кв. 41

ЛЮБАРСКИЙ

Кронид Аркадьевич 34 72 5 — ст. 70 (ВТ)

МАКАРЕНКО

Михаил Янович 31 69 8 — ст. 70 (ВТ)

и др. 41

МАРЧЕНКО

Валерий Вениаминович 48 73 5 3 ст. 70 (35)
 МАРКОСЯН Размик 49 74 7 3 ст. 70 (19?)

МАТВИЮК

Кузьма Иванович 40 73 4 — ст. 70 (19)
 МЕШЕНЕР Иосиф 35 70 5 — ст. 70 — ос-
 вобожден в феврале 76 г., уехал
 в Израиль.

МОРОЗ

Валентин Яковлевич 39 (65-69)
 70 9 5 ст. 70 из ВТ
 переведен в ....

МОТРЮК

Николай Николаевич 48 73 5 — ст. 70 (35)

МУРЖЕНКО

Алексей Григорьевич 70 14 — ст. 64 (1,0)

НАВАСАРДЯН

Ашот Полокович 50 74 7 2 ст. 70 (36)

ОСАДЧИЙ

Михаил Григорьевич (65-68)
 72 7 3 ст. 70 (1,0)

ОСИПОВ

Владимир Николаевич 38 (63-70)
 74 8 — ст. 70 (19)

ПАВЛЕНКОВ

Владлен Константинович 28 69 7 — ст. 70 (ВТ)

ПАШНИН

Евгений Иванович 37 68 8 2 ст. 70? (ВТ)
 (ранее имел уголовную судимость)

ПЕНСОН Борис 47 70 10 — ст. 64 (3-5)

ПИДГОРОДЕЦКИЙ

Василий Владимирович 26 53 28 — ст. 58 (35)

ПОПАДЮК Зорислав Зорислав
 Владимирович 53 73 7 5 ст. 70 (ВТ)

ПОПОВИЧ

Оксана Зеноновна 27 (...-...)
 74 8 5 ст. 70 (3-4)

ПРИХОДЬКО

Григорий Андреевич 37 73 5 — ст. 70 (ВТ)

ПРИШЛЯК Евгений С.	12	52	25	—	ст. 58 (35)
ПРОНЮК Евгений	44	72	7	5	ст. 70 (35)
РЕБРИК					
Богдан Васильевич	38	(67-70)			
		74	7	3	ст. 70 (1,0)
РОДЕ Гунар Оскарович	34	62	15	—	ст. 70 (ВТ)
					64
РОКЕЦКИЙ					
Владимир Юлианович	47	72	5	—	ст. 70 (ВТ)
РОМАНЮК Василий					
	...	(...—...)			
		72	7	—	ст. 70 (1,0)
САПЕЛЯК Степан	50	73	5	—	ст. 70 (36)
САРАНЧУК					
Петр Степанович	26	(...—...)			
		70	8	—	ст. 70 (1,0)
САРТАКОВ					
Петр Кириллович	17			—	ст. 70 (17)
САФРОНОВ					
Алексей Витальевич	52	72?	12	—	ст. 64 (ВТ)
СВЕРСТЮК					
Евгений Александрович	40	72	7	5	ст. 70 (36)
СВЕТЛИЧНЫЙ Иван					
Алексеевич	29	72	7	5	ст. 70 (35)
СЕРГИЕНКО					
Александр Федорович	32	72	7	3	ст. 70 (ВТ)
СОЛДАТОВ Сергей Иванович	33	75	6	—	ст. 70 (17)
СОРОКА					
Степан Клементьевич	32	52	25	—	ст. 58 (35)
СТРОКАТОВА					
Нина Антоновна	26	71/2	4	—	ст. 70 — освобождена в декабре 75 г., под надзором, адрес: Калужская обл., г. Таруса, Луначарского 5
СТУС Василий					
	38	72	5	3	ст. 70 (17)
СУПЕРФИН Габриэль					
	43	73	5	2	ст. 70 (ВТ)
СУСЛЕНСКИЙ					
Яков Михайлович	29	70	7	—	ст. 70 (ВТ)
ТУРИК Андрей Маркович	27	...	25	—	ст. 58 (ВТ)

ФЕДОРЕНКО					
Василий Петрович	28	74*	15	—	ст. 70, (ВТ) 64
ФЕДОРОВ Юрий Павлович	...	70*	15	—	ст. 64 (1,0)
ХЕЙФЕЦ					
Михаил Рувимович		74	4	2	ст. 70 (17)
ХНОХ Лейб		70	10?	—	ст. 64 (ВТ)
ЧЕКАЛИН					
Александр Николаевич	38	71	5	—	ст. 70 — освобожден в мае 76 г. из ВТ, под надзором, адрес: Лисичанск, Карла Маркса 136, кв. 5.
ЧЕРНОВОЛ					
Вячеслав Максимович	38	(6.—6.)			
		72	7	5	ст. 70 (3-5)
ЧЕРНОГЛАЗ Давид Исарович	40	70	5	—	ст. 70 — освобожден в июне 75 г. из ВТ, выехал в Израиль.
ШАБАТУРА					
Стефания Михайловна	37	72	5	2	ст. 70 (3-4)
ШАХВЕРДЯН					
Баграт Левонович	40	73	5	2	ст. 70 (35)
ШИНКАРУК Трофим					
Ефимович	31	49	25	—	ст. 58 (1,0)
ШОВКОВЫЙ Василий	49	73	5	—	ст. 70 (35)
ШУМУК					
Данило Лаврентьевич	14	(4.—6.)			
		72	10	5	ст. 70 (1,0)
ШУХЕВИЧ Юрий Романович	33	(48-68)			
		72	10	?	ст. 70 (ВТ)
ЯГМАН Лев	40	70	5	—	ст. 70 — освобожден в июне 75 г., выехал в Израиль.

17 июня 1973 г.

Приложения составлены А. Гинзбургом, М. Ланда

О РАЗДЕЛЕННЫХ СЕМЬЯХ

В СССР наблюдается не единичное, а массовое нарушение подписанного в Хельсинки Заключительного Акта. Известны сотни еврейских семей, воссоединению которых советские власти препятствуют в течение многих лет. Количество таких семей не уменьшается, а растет, причем после подписания Заключительного Акта (август 1975 г.) не наблюдается никакого изменения к лучшему.

Мы приводим сегодня три случая таких нарушений.

1. *Ефим Давидович (1924-1976 гг.).*

Е. Давидович, герой войны, полковник в отставке, обратился впервые с просьбой о разрешении на выезд в Израиль в июне 1973 г. Уже в то время он был тяжело больным человеком, перенесшим два инфаркта. Несмотря на то, что Давидович никогда не имел допуска и не служил в секретных частях, в разрешении на выезд ему было отказано под предлогом его знакомства с военными тайнами.

Состояние здоровья Давидовича все больше ухудшалось в результате систематической травли, связанной с его стремлением выехать в Израиль. В середине мая 1975 г. он был лишен звания полковника в отставке, пенсии и медицинского обслуживания. 1 марта 1976 г. Давидович перенес пятый инфаркт. Зная, что дело идет о жизни и смерти Давидовича, его друзья обратились 5 марта 1976 г. с телеграммой к Брежневу, прося проявить гуманность и немедленно позволить Давидовичу выехать в Израиль. Ответа на эту телеграмму не последовало.

15 марта Л. Овсищер, И. Нудель и А. Лернер были в связи с этим на приеме у начальника Всесоюзного ОВИРа В. Обидина. 21 марта кандидат медицинских наук С. Липавский специально с целью осмотра Давидовича выехал в Минск. Осмотрев Давидовича, Липавский направил срочные телеграммы в МВД СССР и ЦК КПСС. В этих телеграммах он указывал на серьезность положения Давидовича и на то, что благоприятного исхода его болезни можно ожидать только в случае радикального изменения условий его жизни. 25 марта ОВИР СССР вновь отказал Давидовичу в разрешении на выезд, мотивируя это тем, что, по их сведениям, Давидович чувствует себя прекрасно. 24 апреля Давидович скончался от сердечного приступа.

Случай Давидовича является злостным нарушением двух положений Заключительного Акта. Здесь было нарушено положение, согласно которому подача заявления на выезд не должна приводить к изменению прав и обязанностей лица, подавшего просьбу (разжалование Давидовича было результатом подачи заявления). Кроме того, в Заключительном Акте специально оговорено, что ходатайствам, поступающим от больных, будет уделяться особое внимание и они будут рассматриваться в срочном порядке.

2. Борис Левитас (1954 г. рожд.).

С сентября 1973 г. Б. Левитас разделен со всей семьей – отцом, матерью, братом и сестрой, проживающими в Израиле. Когда в 1974 г. Левитас заявил о своем желании воссоединиться со своей семьей, он был "за антипатриотический поступок" исключен из Политехнического института в Киеве, где был студентом третьего курса. В разрешении на выезд Левитасу отказали, мотивируя это тем, что его выезд "нецелесообразен".

После исключения Левитаса из института его стали вызывать в военкомат для призыва в армию. Если Левитас будет призван, то при существующей ситуации это лишит его возможности воссоединения со своей семьей по крайней мере еще на 7-10 лет (2-3 года службы в армии и 5-7 лет "карантина" из-за знакомства с "секретами" во время службы). Левитаса лишили прописки как в Киеве, где он учился, так и во Львове, где жила его семья до выезда в Израиль. У него отобран паспорт. Поскольку в СССР нельзя устроиться на работу без докумен-

тов, он лишен средств к существованию. Само проживание без прописки ставит Левитаса в положение вне закона.

В случае Левитаса нарушено положение Заключительного Акта, согласно которому подача заявления о выезде не будет приводить к изменению прав и обязанностей лица, подавшего такую просьбу. Кроме того, в Заключительном Акте государства-участники берут на себя обязательства "в позитивном и гуманном духе рассматривать просьбы лиц, которые желают воссоединиться с членами своей семьи".

3. Мария Слепак (1926 г. рожд.).

М. Слепак (девичья фамилия Рашковская) впервые подала заявление на выезд в Израиль 13 апреля 1970 г. вместе с матерью Бертой Рашковской, мужем Владимиром Слепаком и сыновьями Александром и Леонидом. Всей семье было отказано ввиду "секретного характера" бывшей работы Владимира Слепака.

В марте 1971 г. в канун XXIV съезда КПСС власти дали разрешение на выезд матери Марии Слепак, но ни Марии, ни ее совершеннолетнему сыну Александру не было разрешено поехать с 70-летней больной женщиной.

В 1975 г. Александр Слепак женился и стал ходатайствовать о выезде вместе с женой к бабушке в Израиль. Однако ему было отказано под тем предлогом, что бабушка — дальняя родственница.

Наконец, в январе 1976 г. Мария Слепак в полном соответствии с требованиями советского закона развелась с Владимиром Слепаком и подала заявление на выезд к матери в Израиль вместе со своим несовершеннолетним сыном Леонидом. Мария Слепак указывала на тяжелое состояние здоровья ее матери (два инфаркта, гипертония III степени, диабет, сердечная астма, желудочно-каменная болезнь).

Однако и на этот раз Марии отказали. При этом руководство московского ОВИРа сослалось ... на Хельсинкскую декларацию: Хельсинкские соглашения предусматривают объединение семей, а не разделение, а мы считаем вас и Вл. Слепака одной семьей. У советского суда свои правила, а у нас — свои.

Надо добавить, что, отказывая Слепакам в выезде, советские власти в течение этих шести лет подвергают всех их, даже

детей, различным репрессиям (аресты, увольнение с работы, шантаж, угрозы, отключение телефона, полное прекращение почтовой связи).

27 июня 1976 г.

Людмила Алексеева, Юрий Орлов, Виталий Рубин, Анатолий Щаранский.

СПИСОК РАЗДЕЛЕННЫХ СЕМЕЙ, ДОБИВАЮЩИХСЯ ВОССОЕДИНЕНИЯ

*(этот список включает наиболее драматические случаи
разделения ближайших родственников и далеко не полон)*

Фамилия, имя главы семьи	Адрес	Степень родства	Страна прожив.
Мария Слепак	Москва, ул. Горького 15-77	Мать, сестра	Израиль
Илья Глезер Стелла Гольдберг	Москва Москва, Б. Черкизовская 8-7-72	Мать	Израиль
Марк Нашпиц Владимир	Узник совести	Муж Мать	Израиль Израиль
Престин	Москва, Уральская 6-4-11	Сестра	Израиль
Леонид Цыпин	Москва, ул. Клочкова 6-32	Жена	Израиль
Виктор Файермарк	Москва, Черняховского 4-а-30	Дочь	США
Борис Цитленок	Узник совести	Все родственники	Израиль
Ида Нудель Александр	Москва, ул. Юных Ленинцев 79-6-28	Сестра	Израиль
Лернер	Москва, ул. Дм. Ульянова 4-2-322	Дочь, внуки	Израиль
Марк Львовский	Москва, Астраханский пер. 19-2-1	Мать, брат жены	Израиль
Марк Новиков Вениамин	Москва, 3-я Прядильная 5-14	Жена, сын	Израиль
Левич	Москва, Ленинский просп. 11-5	Два сына	Израиль

Лев Гендин	Москва, ул. Малышева 19-19	Жена	Израиль
Марк Азбель	Москва, Вешняковская 4-3	Сын	Израиль
Владимир Шахновский	Москва, пр-д Черепановых 70-76	Брат	Израиль
Борис Фишкин	Москва, 3-я Лесная 24-2	Сын	США
Анатолий Щаранский	Моск. обл. Истра, Кооперативная 8-4	Жена	Израиль
Александр Гриншпун	Москва, Бирюлевская ул. 52-3-582	Родители жены	Израиль
Элия Эссас	Москва, Ярославское ш. 6-2-37	Родители	Израиль
Яков Рахленко	Москва, Карманицкий пер. 5-33	Сестра	Израиль
Лев Улановский	Москва, Обручева 3-1-64	Отец	Израиль
Владимир Лазарис	Москва, Теплый Стан, 2-й микрорайон, кор.21, кв. 73	Жена, ребенок	Израиль
Эстер Сморозинская	Москва, Ленинградское ш. 13-251	Мать, сестра	Израиль
Лидия Воронина	Москва, ул. Маши Порываевой 38-45	Муж	Израиль
Абрам Геллих	Москва, Чусовская 11-6-63	Сын	Израиль
Виктор Елистратов	Москва, Б. Черкизовская 1-250	Сестра жены	Израиль
Григорий Вигдаров	Москва, Малахитовая ул. 10-165	Родители	Израиль
Майор Горбатов	Москва, Талдомская ул. 15-79	Отец	Израиль
Виктор Браиловский	Москва, пр-т Вернадского 99-1-128	Брат	Израиль
Аркадий Шай	Москва, Ленинградское ш. 112/1-3-709	Мать, брат жены	Израиль
Иосиф Асс Михаил	Москва, Ярославское ш. 111-1-92	Родители	Израиль
Кремень	Москва, ул. Молостовых 11-2-64	Родители, сестра	Израиль
Вениамин Файн	Моск. обл. Черноголовка 1-34-28	Ребенок	Израиль
Наум Коган	Москва, ул. Тихомирова 9-3-37	Сын	Израиль
Лев Блитштейн	Москва, Астраханский пер. 19-2-2	Жена, сын, дочь	США
Вениамин Богомольный	Москва, Кусковская ул. 10 а	Родители	Израиль

Гилель Бутман	Узник совести	Жена	Израиль
Лазарь			
Либерман	Ленинград, Таллинская 68-30	Сын, внуки	Израиль
Феликс			
Аранович	Ленинград, ул. Пестеля 13/15-16	Мать, брат	США
Георгий			
Сокирянский	Ленинград, Восстания 15-57	Отец	Израиль
Александр			
Богуславский	Ленинград, Бухарестская 86-1-121	Брат	Израиль
Мирра			
Гейсберг	Ленинград, пр-т Мориса Тореза 102-1-32	Муж	Израиль
Александр			
Фельдман	Узник совести	Брат	Израиль
Владимир			
Кислик	Киев, Русановский б-р 1 б-122	Жена, ребенок	Израиль
Борис Левитас	Киев, ул. Героев Триполья 10-16	Родители, сестра	Израиль
Леонид			
Мультах	Киев, Печорский Спуск 8-77	Родители	Израиль
Зинаида			
Шамрай	Киев, ул. Парижской Коммуны 13-19	Муж	США
Шмуэль			
Бронхман	Одесса, пер. Митракова 2-18	Родители	Израиль
Евгений			
Ленчик	Одесса, ул. Инколлегии 26-3	Родители	Израиль
Лев Ройтбурд	Узник совести	Родители жены	Израиль
Леонид			
Никулин	Одесса, ул. Горького 21-13	Родители жены	Израиль
Давид			
Скульский	Одесса, Чичерина 80-14	Мать	Израиль
Александр			
Магнер	Одесса, ул. Космонавтов 58-59	Родители жены	Израиль
Анатолий			
Барский	Одесса, Чичерина 49-31	Отец	Израиль
Исаак			
Полтинников	Новосибирск, ул. Толстого 234-18	Дочь	Израиль
Александр			
Ромм	Харьков, ул. Шекспира 8-68	Родители	Израиль
Борис			
Пенсон	Узник совести	Мать	Израиль

Израиль				
Залмансон	Узник совести		Сестра	Израиль
Вульф				
Залмансон	Узник совести		Сестра	Израиль
Мария				
Фишкина	Рига, Советская 36-14		Дочь	Израиль
Даниил				
Форкаш	Пермь, Луначарского 80-51		Родители, брат	Израиль
Симха				
Агарунов	Дербент, Красноармейская 2 б		Сестра жены	Израиль
Давид				
Кадашев	Дербент, ул. Маркса 4		Брат	Израиль
Азиз				
Манаширов	Дербент, Новопесчаная 39-44		Родители	Израиль
Марк				
Абрамович	Кишинев, Чернышевского 66		Родители	Израиль
Жанна Даскол	Кишинев, пр. Кантемира 91-4		Родители	Израиль
Юрий Шехтман	Кишинев, Христо Ботева 21-81		Родители	Израиль
Леонид				
Якубович	Кишинев, пр. Кантемира 91-4		Родители	Израиль
Александр				
Сильницкий	Узник совести		Родители, брат	Израиль
Яков				
Потиевский	Ростов-на-Дону, Социалистическая ул. 208-4		Сестра	Израиль
Юрий Вудка	Узник совести		Жена	Израиль
Давид				
Кофманский	Черновцы, ул. Ленина 185-5		Родители	Израиль
Матус				
Рабинович	Красноярск, ул. Королева 5-68		Дочь	Израиль
Абрам				
Бальшем	Ташкент, 128 Ц-13, д. 99, кв. 35		Дочь	США
Михаил Окунь	Минск, Каховская ул. 27-36		Сестра	Израиль
Михаил Штерн	Узник совести		Два сына	Израиль

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ РЕЛИГИОЗНЫХ СЕМЕЙ

1

Идеологическая политика в СССР предполагает *глобальный* охват детей и молодежи так называемым коммунистическим воспитанием.

Указанный идеологический принцип поддерживается соответствующими статьями Кодекса о семье и браке. Статья 52 этого Кодекса требует от родителей *"воспитывать своих детей в духе морального кодекса строителя коммунизма"*. Статья 59 ("лишение родительских прав") устанавливает, что "по заявлению государственных или общественных организаций одного из родителей или опекуна (попечителя) ребенка, а также по иску прокурора" "родители или один из них могут быть лишены родительских прав, если будет установлено, что они", например, "оказывают вредное влияние на детей своим аморальным, *антиобщественным* поведением..." Статья 64 разрешает суду принять решение об "отобрании ребенка без лишения родительских прав". Практикуется также лишение родительских прав без отобрания ребенка.

Выделенные нами формулировки служат "законным" обоснованием для решений об изъятии детей у религиозных родителей. В подавляющем большинстве случаев эта мера используется против "сектантов" — баптистов, пятидесятников, адвентистов и др. Такая практика была широко распространена в 1964-1974 гг. После подписания Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1 августа 1975 г.) число постановлений о лишении родительских прав

за воспитание детей в религиозном духе сократилось, вероятно, в связи с проникновением разоблачительной информации на Запад и реакцией мирового общественного мнения.

2.

Однако известно судебное решение об отобрании детей от 23 октября 1975 г.

Народный суд поселка Старая Выжна Волынской обл. (Украина) постановил отобрать у баптистки Марии Супрунович ее трех детей и передать их отцу – вероятно, атеисту.

Очевидно, суд руководствовался статьей Кодекса УССР, соответствующей статье 64 Кодекса РСФСР, постановив первоначально отобрать у Супрунович детей без лишения ее родительских прав.

Супрунович направила телеграмму Брежневу, Косыгину и Подгорному (копия – прокурору Волынской области) с протестом против решения суда. Дело было передано в Комиссию по делам несовершеннолетних Старовыжевского Совета районных депутатов, которая вынесла решение оштрафовать М. Супрунович, ходатайствовать перед судом о лишении ее материнских прав, а детей отдать в интернат.

После этого Мария Супрунович направила вторую телеграмму тем же адресатам, в которой сообщала, что в ответ на бесчеловечное решение она отказывается от гражданства и требует или оставить ей детей, или разрешить выехать с ними к родственникам в Канаду. В противном случае, писала Супрунович, она обратится за помощью в международные организации.

Это возымело действие. Ответная телеграмма гласила: "На Ваши жалобы и телеграммы в Верховный Совет СССР, ЦК КПСС, Комитет Советских женщин, редакции журнала "Советская женщина" сообщаем, что решение Народного суда Старовыжевского района от 23.10.1975 г. о передаче на воспитание отцу детей *исполняться не будет*, дети будут проживать с Вами. Первый зам. прокурора области старший советник юстиции П.Г. Думало".

Однако *решение суда не отменено*. Это значит, что над детьми висит приговор об изъятии их у воспитывающей их матери.

Остаются неотмененными и решения о лишении родительских прав и об отобрании детей, принятые до 1.8.1975 г. В настоящее время существуют семьи, вынужденные *скрывать своих детей* от исполнительных органов, и семьи, над которыми висит угроза немедленного изъятия детей, как только они будут застигнуты за исполнением религиозных обрядов.

Приведем наиболее типичные примеры.

1. Пятидесятники Николай и Нина Муравлевы, имеющие 7 детей, лишены родительских прав в 1974 г. Дети не отобра- ны, решение не отменено. Их адрес: Саратов, ул. Диева, д. 114.

2. Адвентистка Мария Власюк, мать двоих детей. В апреле 1975 г. суд постановил отобрать у нее дочь без лишения роди- тельских прав.

Адрес Власюк: с. Илятка Старосинявинского р-на Хмель- ницкой обл. (УССР).

Старосинявинский отдел народного образования отправил в нарсуд исковое заявление, в котором требовал отнять у Вла- сюк и дочь, и сына. Определение Судебной коллегии по граж- данским делам Хмельницкого областного суда от 27 мая 1975 г. гласило:

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

ИМЕНЕМ УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

1975 года Судебная коллегия по гражданским делам Хмель- ницкого областного суда в составе:

Председательствующего МАТРЕВИЧА И.С.

членов суда: КАНАЦКОЙ Е.А., ТАРАСЮКА В.Т.

с участием прокурора РОМАНОВСКОЙ А.В.

рассмотрела в открытом судебном заседании в гор. Хмель- ницком гражданское дело по кассац. жалобе ВЛАСЮК Марии Ивановны на решение народного суда Старосинявинского рай- она от 16 апреля 1975 г. по иску Старосинявинского районно- го отдела народного образования к ВЛАСЮК Марии Ивановне о лишении родительских прав.

Заслушав докладчиков, объяснения ответчицы, заключе- ние прокурора, полагавшей решение суда оставить без изме- нения, изучив материалы дела, Судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

В марте 1975 г. Старосинявинский районный отдел народного образования предъявил иск к Власюк Марии Ивановне о лишении ее родительских прав в отношении детей Светланы и Виктора, ссылаясь на то, что ответчица, являясь членом религиозной секты, не зарегистрированной в установленном законом порядке, не пускает Светлану в школу, изнуряет ее физически постами и религиозными обрядами, оказывает на нее вредное влияние, поэтому пребывание детей на воспитании матери опасно для них.

Старосинявинский районный народный суд решением от 16 апреля 1975 г. отобрал у Власюк Марии Ивановны дочь Власюк Светлану Владимировну 12 октября 1965 г. рождения без лишения родительских прав и передал ее на попечение органов опеки.

В кассационной жалобе Власюк М.И. считает решение суда неправильным, просит его отменить и дочь оставить ей на воспитание, поскольку она воспитывает ее правильно, как велит ей ее религиозное убеждение, и лишать ее права воспитывать своего ребенка, как она считает нужным, никто не имеет права, поскольку это является ущемлением ее прав, как гражданина.

Кассационная жалоба удовлетворению не подлежит.

В соответствии со статьей 61, 64 Кодекса о браке и семье УССР родители должны воспитывать своих детей в духе морального кодекса строителя коммунизма, заботиться об их физическом развитии, обучении и подготовки к общественно-полезной деятельности, обязаны направить несовершеннолетних детей на обучение в школу в соответствии с законом о всеобщем обязательном обучении.

Как установлено при рассмотрении дела, ответчица по субботам дочь Светлану в школу не пускала, запрещала ей принимать участие в общественной жизни класса и школы. Ответчица привлекала Светлану к отправлению различных религиозных обрядов, внушала ей антинаучные, извращенные представления о жизни и окружающей ее среде. Как усматривается из характеристики Власюк Светланы Владимировны, выданной школой, секта, членом которой является ответчица, вли-

яет на психику ребенка, девочка молчалива, замкнута, запугана, отказывается говорить, часто задумывается, всегда взволнована. Из справки райпедиатра видно, что на Власюк Светлану пагубно влияют ее мать и бабушка. Девочка упорно и бездумно повторяет внушенные ей религиозные догматы, у нее обнаруживается раздвоенность взглядов на события и окружающую ее среду. Девочка замкнута, раздражительна, подавлена. Из постановления комиссии по делам несовершеннолетних от 14 ноября 1973 г. видно, что дочь ответчицы часто пропускает занятия в школе и ответчица не намерена отправлять ее в школу в субботние дни и в дальнейшем. Из акта от 8 февраля 1975 г., составленного председателем и депутатами сельского Совета, следует, что Власюк Светлане дома не созданы надлежащие условия для занятий, готовит уроки она в кухне, стоя у высокой тумбочки*. При рассмотрении дела также установлено, что ответчица лишает дочь, в силу религиозных убеждений, животных продуктов, в результате чего девочка истощена, кроме этого у нее синдром повышенной раздражительности, она нуждается в стационарном лечении, что подтверждается справкой райпедиатра от 11.1.1975 г. и его объяснениями в судебном заседании. Из заключения представителя органов опеки в судебном заседании усматривается, что оставлять Власюк Светлану на воспитании у матери опасно для нее, в интересах Светланы ее следует отобрать у матери и передать ее на попечение органов опеки и попечительства.

При таких конкретных обстоятельствах суд правильно пришел к выводу, что Власюк Светлану в ее интересах следует отобрать у ответчицы без лишения последних родительских прав. Что же касается сына Виктора, то оснований к отобранию его у матери, ответчицы по делу, нет, так как материалами не установлено, что пребывание его на воспитании матери опасно для него, поэтому суд правильно отказал в этой части иска.

Решение суда отвечает материалам дела, ст. 76 Кодекса о браке и семье УССР, и оснований к его отмене Судебная коллегия не находит.

---

* Между тем, в таблице успеваемости Светланы за 1974, 1975 гг. у нее по всем предметам, кроме пения, отличные и хорошие отметки.

Руководствуясь ст. ст. 310-311 ГПК УССР, Судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА:

Кассационную жалобу Власюк Марии Ивановны оставить без удовлетворения, а решение Старосинявинского районного народного суда от 16 апреля 1975 г. — без изменений.

Председательствующий (подпись)

Члены суда (2 подписи)

Копия верна

Народный судья (подпись)

Секретарь (подпись)

Жители села Илятка представили о случившемся на их глазах следующие показания.

15 июля с. г. в селе Илятка Старосинявинского р-на Хмельницкой обл. органами милиции был учинен жестокий произвол над жительницей этого села Власюк Марией Ивановной и ее десятилетней девочкой Светой.

А было это так. 15 июля в 18.00 к Власюк М.И. на мотоцикле приехал местный участковый старший лейтенант милиции Кузмич Степан Александрович. Через некоторое время на ГАЗике (бобике) подъехал начальник милиции.

Их приезд собрал к дому Власюк М.И. односельчан, на которых начальник с руганью обрушился, предлагая им разойтись. Ст. л-т Кузмич же успокаивал собравшихся обманом, говоря, что здесь ничего особого нет, это просто приехали из района, чтобы убедиться, дома ли Света.

Действительная же причина приезда офицеров милиции была совсем другая. Им надо было обманом, хитростью и силой отобрать девочку от ее родной матери, лишить мать ее родной дочери и тем самым выполнить противозаконное, антигуманное, бесчеловечное решение Хмельницкого областного суда от 27.4.75 г., по которому дочь Светлана должна была быть передана на попечение органам опеки и попечительства, потому что мать ее, Власюк М.И., будучи верующей, воспитывает и дочь в таком же духе.

Когда было вынесено такое жестокое решение, мать, естественно, вывезла Свету из села Илятки, боясь лишиться дочери. Ст. л-т Кузмич несколько раз приезжал к ней и требовал дочь.

Его визиты оканчивались обмороком матери. Она ему отвечала, что "дочь я вам не отдам". Он тогда стал говорить, что "ты, мол, ее в жертву принесла. Ты только покажи мне ее, чтобы я убедился, что она живая". Этот ложный слух быстро разнесся по селу. Власюк М.И. говорит, что "я могу вам ее показать, если только вы дадите мне расписку, что вы не заберете у меня дочь". Он такую расписку дал. Вот ее содержание:

Расписка

Дана Кузмичем Степаном Александровичем в том, что Старосинявинский отдел милиции не будет изымать ребенка Власюк Светлану от родителей до вступления решения суда в законную силу. Расписка дана в присутствии ст. л-та милиции Константинова В.К.

Ст. л-т (роспись)

Ст. л-т (роспись)

14.7.75 г.

(Оригинал расписки у Власюк М.И.)

Как видите, расписка была дана только для того, чтобы обмануть мать, тогда как последняя доверилась представителям власти и привезла дочь домой, чтобы рассеять ложный слух о том, что она, мать, якобы принесла свою родную дочь в жертву.

Что же было дальше? Начальник милиции, пользуясь своей властью, разгонял собравшийся народ. Но люди не уходили. Марию Ив. Власюк он требовал зайти в комнату, но Света ухватилась за нее и стала кричать: "Я маму не отпущу!" Тогда начальник милиции куда-то отлучился и вскоре вернулся еще более озлобленный. Продолжал кричать на людей и оскорблять их всякими словами, а на Марию: "Виновата твоя суббота. Ты раньше была человек, а теперь ты не человек! Заберем и все!".

Собравшиеся стали стыдить его, говоря: "Так немцы во время войны забирали у нас детей". После этого он опять ушел, но вскоре вернулся с ... енким (?) Мельником, который вместо "здравствуйте" стал тоже кричать: "Что за сборище! Всех на список!" И давай всех расталкивать и кричать: "По домам. Жнева!". (А какие жнева вечером?)

Потом Мельник и другие с ним лица подошли к Свете. Она кинулась убежать. Мельник погнался за ней. Она стала кричать.

Власюк М.И., видя эту погоню, не выдержала. От сердечного приступа она без сознания упала на землю. Мельник, видя это, стал убегать, именно убегать к машине, а за ним и его помощники и сам нач. милиции, которые быстро уехали.

К Власюк же Марии срочно пригласили местного врача Васильчук Надежду И., которая привела ее в чувство.

Последним уехал ст. л-т Кузмич С.А.

После всего происшедшего к соседке Власюк пришла второй заместитель секретаря райкома партии и спрашивает у нее: "Ну что, она еще не пришла в себя?" Соседка ей ответила, что там есть врач, но ей еще плохо.

Из вопроса заместителя секретаря следует думать, что она встретила с ушедшими "борцами" за "счастье" девочки, которые сказали ей, что "мать упала в обморок, а ты пойд и поинтересуйся, пришла ли она в себя".

Какая жестокость в наш двадцатый век и в нашей самой демократической и свободолобивой стране!

Неужели ст. л-т Кузмич С.А., начальник милиции, Хмельницкий обл. суд, Верховный суд УССР, которые все единодушно пустили в ход ложь, хитрость и силу, чтобы отнять девочку у религиозной матери (она исповедует религию адвентистов седьмого дня), не знают таких законов всесоюзного и международного значения, как "Декрет об отделении школы от государства и школы от церкви", "Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования", по которым за всеми гражданами признается полное право веровать и отправлять совершенно свободно свой религиозный культ и воспитывать своих детей в том же духе! Кому-то и как-то надо было позаботиться, чтобы они узнали об этих гуманных законах, чтобы сами соблюдали их и стояли на страже соблюдения их другими.

Свидетелями этого произвола были очень многие. Вот часть из них.

1. Рывнюк Екатерина А.
2. Сивопляг Надежда А.
3. Курть Галина А.
4. Саменко Татьяна И.
5. Король Галина А.
6. Мазур Зоя С.

7. Вовчик Зинаида И.
8. Муляр Анна И.
9. Ревнюк Марфа К.
10. Пазюк Федора Р.
11. Васильчук Акулина С.
12. Герасимчук Алексей Д.
13. Герасимчук Мария С.
14. Герасимчук Николай А.
15. Васильчук А.Ф.
16. Рывнюк Евг. В.
17. Томчук Феодосия Н.
18. Онуфриева Надежда И.
19. Васельчук Надежда И.

Настоящим просим и требуем дать возможность Власюк М.И. и ее детям жить спокойно, свободно, как равным гражданам нашей страны. Сама она была и есть примерная и трудолюбивая жительница села. За образцовую жизнь и труд ранее была избираема в депутаты местного Совета. Светочка в школе является примерной девочкой и в учебе и в поведении. Кому они мешают?!

2.— 75 г. Свидетели села Илятка (после 2 в оригинале напечатано "2").

4

Многочисленные свидетельства говорят о сильнейшем административном и ином давлении, которому подвергаются родители, воспитывающие своих детей в религиозном духе, и сами дети.

Совет родственников ЕХБ обращается к мировой общественности:

"Просим молиться и ходатайствовать о пресечении замыслов и решений отнять детей у верующих родителей и лишить их родительских прав за христианское воспитание:

Петренко Андрея Игнатъевича, город Коростень Житомирской обл. ул. Сергея Лазо, д. № 8, дети: Валя 14 лет, Юля 11 лет, Люба— 10 лет.

Назарук Александр и мать Нина, проживают в городе Здобунов, подвержены угрозе лишения родительских прав за христианское воспитание детей. Состоялось решение общего

собрания Здобулновской больницы в стоматологической поликлинике, где работает Назарук. Имеют 11 детей.

Животягина Екатерина Степановна, проживающая в г. Шепетовке Хмельницкой обл. Гижичского № 11. Подвергается избиениям от родной сестры и брата, и угрозам властей отнять детей, и попыткам поместить ее в психиатрическую больницу. Вынуждена ночью оставить дом и уехать с детьми. Просит права жить дома без преследований.

Баптист *Хайло Владимир Павлович* и его жена Мария Емельяновна, имеющие 11 детей, обращаются 13.1.76 г. с открытым письмом к "главам 35 стран, которые в Хельсинки подписали документ о правах человека". В этом обращении он, в частности, пишет: "Уже несколько лет назад меня предупредили органы КГБ, что детям моим будет закрыта дорога учиться и работать". Семья Хайло просит вызова с тем, чтобы "покинуть СССР, отдать гражданство и принять гражданство любой капиталистической страны".

Баптист *Петренко А.И.* и его жена Наталья, имеющие трех детей, обращаются к Л.И. Брежневу и Подгорному 6.5.76 г. "с просьбой защитить детей наших от замыслов и решений административной комиссии Исполкома горсовета г. Коростень, педагогического коллектива школы № 8, цехового собрания рабочих локомотивного депо — лишить родительских прав по той лишь причине, что дети наши не пожелали стать пионерами". "Неужели в нашей гуманной стране существуют зверские законы — отнимать детей от родителей, что воспитываются в христианской семье?"

"... решение административной комиссии: в трехмесячный срок, если не изменю своих убеждений, *изолировать*" (детей). На цеховом собрании, где работает Петренко, мастер предложил "вынести ... решение: если не переменю своих убеждений, лишить меня родительских прав".

В отдельном письме Наталья Петренко пишет 14.3.76 г.: "В школе № 40 директор школы Лях П.Н. на детей при родителях говорит всякую нелепость и ложь, дает повод бить и смеяться над нашими детьми. Преподаватель географии обзывает сына врагом народа и скотиной...". Адрес Петренко Андрея Игнатьевича: г. Коростель Житомирской обл. ул. Сергея Лазо, д. 8.

"Бюллетень Совета родственников узников ЕХБ в СССР" № 33 стр. 51 приводит письмо баптистки Животягиной Казимиры, проживающей в г. Шепетовке, ул. Гижицкого 11 и имеющей двух детей.

Учительница школы, она объявила, что она верующая, в августе 75 г. После этого администрация и ее собственные родственники решили отправить ее в психиатрическую больницу и лишить прав материнства. "Кто дал право лишать меня материнства лишь за то, что я последовала за Христом? В результате всего с 4 на 5 мая (1976 г.) я была вынуждена оставить свой дом и вместе с детьми уехать. На следующий день, как мне было сообщено, к моему дому явились представители детской комнаты милиции и долгое время дежурили. Цель их мне неизвестна, но явно не с добрыми намерениями. В настоящее время дети оторваны от школы".

Баптистка *Лебедева Надежда*, проживающая в Киеве, Брест Литовский пр., д. 7, кв. 54, ... 4 детей, обращается к Председателю Совета Министров Косыгину и др. 28.5.76 г. с письмом, в котором, в частности, пишет: "Мои дети полностью лишены прав получить высшее и среднее образование. Детям *выдавались характеристики о их убеждениях*".

Адвентисты сообщают, что под серьезной угрозой изъятия детей находятся : *Бездушная* Нина Тимофеевна (село Бочковцы Хотинского р-на Черновицкой обл.), *Неверова* Полина Трофимовна (г. Кривой Рог пос. Зеленый город, ул. Шлюзовая, 87), *Моисеева* Ева Васильевна (Аул Кошехабль Адыгейской автономной области, Рыбацкий пер. 1), *Дмитренко* Ольга Григорьевна (г. Краматорск, ул. Артема 51), *Гатко* Лидия Григорьевна (село Банилов, Подгорный Сторотенецкого р-на Черновицкой обл.), *Шендрик* Василий Васильевич (г. Черкасы, пос. Русская Поляна, ул. Гайдара 5), *Диденко* Петр Павлович (г. Винница, Первый пр., Хмельницкое шоссе 10), *Стоцкий* Ф. (г. Ельск Гомельской обл. ул. Свердлова 16), *Величко* Валентина Михайловна (пос. ... Черкасской обл., ул. Шевченко 13), *Гоц* Роман Петрович (село Тельман Луговского р-на Джамбульской обл. Казахстан), *Брежнева* Мария (с. Белый Пикет Кеминского р-на Киргизской ССР), *Ратушная* Полина Карповна (г. Джамбул), *Штарк* Роза Давидовна (с. Мерка Джамбульской обл.) и др.

В.В. Шендрик пишет в Прокуратуру СССР: "8 апреля 1976 г. в комбинате, где я работаю столяром, состоялось собрание... На этом собрании меня обвинили в том, что я воспитываю детей в религиозном духе. Кандидат философских наук тов. Черновский в своем выступлении... назвал меня врагом народа ... Это его высказывание развило зло и враждебное отношение ко мне всего собрания. Так, одна работница крикнула: "..... (2 слова в оригинале не пропечатано) не калечил их, не забивал им сознание религиозным туманом!" Другая прямо-таки распутная женщина ругала меня нецензурными словами и кричала: " Пулю в лоб ему и разговоров меньше..." Через голосование вынесли окончательное решение, требующее изменения моих религиозных взглядов и убеждений, в противном случае меня лишат родительских прав".

Из г. Джамбул (Казахстан) сообщили: "В 20-ой школе нашего города учится 11-летняя девочка Гомер Эмма Давыдовна, проживающая по ул. Добролюбова 45.

Учительница классный руководитель Милена Юноковна перед всем классом постоянно дискриминировала, высмеивала Гомер Эмму, а под конец угрожающе сказала: " Мы напишем на тебя акты в райисполком, и там тебя будут судить".

Слово не разошлось с делом. И вот на следующий день, 20.1.76 г., за подписью секретаря исполкома Асмановой Р. принесли Гомер Эмме, ученице 5-го класса, извещение, по которому она должна была явиться в исполком Заводского районного совета депутатов трудящихся на суд административной комиссии. И все это только за то, что Эмма разделяет чисто религиозные взгляды и убеждения своей мамы и по субботним дням не бывает на занятиях в школе".

Прилагаем фотокопию этого удивительного и совершенно незаконного документа.

По свидетельству адвентистов, директор школы в пос. Чон-Арык (г. Фрунзе Киргизской ССР) Манин Сергей Давыдович сказал 15-летней дочери адвентистки *Луценко Ирины*: "Таких как ты я двоих расстрелял, а тебя отправлю в спецшколу. Это — детская колония".

Другие формы репрессий, от которых косвенно страдают и дети: арест кормильцев семьи за религиозные убеждения, снос дома, в котором живет семья, если в этом доме проводились

молитвенные собрания, систематические штрафы.

Верующие адвентисты из села Беловодское Киргизской ССР сообщают: "Бахарева Мария Яковлевна, мать пятерых детей. На протяжении уже нескольких лет постоянно подвергается угрозам и административному вмешательству за то, что она верующая и дети ее не посещают школу по субботам по религиозным побуждениям. Будучи больна и находясь в материальной нужде, она должна была платить наложенный комиссией штраф за свои чисто религиозные убеждения. Платить было нечем. Тогда комиссия пришла на дом, чтобы взять некоторые домашние вещи и, оценив их, возместить наложенный штраф. Но, не найдя ничего ценного (Бахарева — бедная), члены комиссии недовольные ушли".

Об этом же случае сообщает (с просьбой вмешаться и защитить Бахареву) в своем письме к Председателю Совета Министров Киргизской ССР А. Хмара, коммунист, занимающийся идеологической работой с верующими в г. Ленинграде, случайно оказавшийся в с. Беловодское.

* * *

Репрессии против религиозных семей, в том числе отбирание детей, являются частью общей продуманной политики, проводящейся в течение десятилетий. Акции по отобранию детей находятся в полном противоречии с подписанным советским правительством Заключительным Актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в частности с пунктом VII статьи 1-а Заключительного Акта, согласно которому "государства-участники будут признавать и уважать свободу личности исповедовать единолично и совместно с другими религию или веру, действуя согласно велению собственной совести".

Следует подчеркнуть, кроме того, что, проявляя исключительную заботу о разделенных семьях (ст. "Сотрудничество в гуманитарных и иных областях", пункт 1-в), Заключительный Акт по своему духу исходит из очевидного предположения о недопустимости насильственного разделения семей внутри одной и той же страны по идеологическим мотивам.

Члены Группы содействия:
Александр Гинзбург
Юрий Орлов

**ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ
СОВЕЩАНИЯ ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ
В ЕВРОПЕ В ЧАСТИ, КАСАЮЩЕЙСЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СССР**

1 августа 1975 г. — 1 августа 1976 г.

1. Общая оценка

В данном обзоре не рассматриваются внешнеполитические проблемы, так как это выходит за рамки деятельности Группы содействия. Напоминаем, однако, что существует глубокая связь между борьбой за права человека и усилиями по созданию действительно устойчивых гарантий безопасности.

Пункты Заключительного Акта, относящиеся к правам человека, были сформулированы значительно слабее, чем соответствующие статьи других международных конвенций, например, Всеобщей декларации прав человека. Обязательства этого рода в Заключительном Акте касались преимущественно не обеспечения гражданских и человеческих прав личности, а улучшения государственного регулирования в сфере государственно полезных контактов между странами (что автоматически ставило в более выгодное положение правительства стран с узаконенной монополией на основные права личности). Тем не менее, статья VII раздела 1 и некоторые другие относятся строго к правам человека.

Анализ соответствующих аспектов внутренней политики убеждает, что *советское правительство не намерено выполнять свои международные обязательства по правам человека.*

По-прежнему в тюрьмах и лагерях томятся многие сотни политических заключенных — людей, осужденных лишь за политические, этические или религиозные убеждения или за попытки независимого информирования общественности. Режим их

содержания в некоторых аспектах сильно ужесточился за этот год.

Не осуждена и не прекращена практика психиатрических репрессий.

Не произошло никаких изменений к лучшему как в вопросе свободной эмиграции, так и в более частном вопросе воссоединения семей. Число отказников, известных нам, за этот год даже возросло.

Преследуются все формы независимой информации.

Преследуются любые попытки создания ассоциаций, независимых от руководства КПСС.

Однако в этой общей картине, не изменяющейся на протяжении многих лет, прослеживаются поучительные детали, связанные непосредственно с Европейским Советом.

Совместные действия ряда внутренних и международных факторов заставили советские власти сильнее маневрировать и в то же время активнее реагировать на обвинения в нарушении прав человека в СССР. Перечислим некоторые из этих факторов.

1. В отличие от прежних деклараций, содержащих обязательства по правам человека, в Заключительном Акте эти обязательства советское правительство дало "в обмен" на важные политические уступки со стороны западных правительств. Это обусловило хотя и очень робкие, но все же беспрецедентные для западных лидеров последних десятилетий попытки настаивать на выполнении этих обязательств.

2. Информация, настойчиво направляемая мировой общественности участниками движения за гражданские права в СССР, о преследованиях за убеждения, о нарушениях человеческих прав, об истинном характере советской демократии вообще, по-видимому, стала доходить до сознания широких кругов западного общества и даже оказала влияние на тактику некоторых западных компартий.

3. В том же направлении действовали такие разнородные факторы, как подготовка к проведению XXV съезда КПСС, прекращение Соединенными Штатами войны во Вьетнаме, война в Анголе, начатая после Европейского Совета, большие неудачи в сельском хозяйстве СССР, приведшие к массовой закупке зерна за границей, и др.

Все это вместе взятое заставило советские власти, обеспокоенные падением их престижа на Западе, в конце 1975 – начале 1976 г. сделать уступки в отношении отдельных лиц, преследуемых за убеждения и широко известных за рубежом (более подробно смотри об этом в следующем разделе), и до некоторой степени приостановить очевидное наступление на движение за права человека в СССР, которое было начато до Европейского Совещания, приостановлено на время Совещания и развернулось сразу после Совещания. Сейчас репрессии, иногда даже более жестокие, чем прежде, продолжают преимущественно в тех случаях, когда почему-либо не поступает своевременная информация о них.

Далекая экстраполяция на основе опыта последнего года, по-видимому, показывает, что:

- если бы движение за гражданские права в СССР смогло существенно расширить свою работу по информированию населения внутри страны и по информированию Запада,

- если бы одновременно западная общественность отказалась от существующего неравноправного толкования принципа невмешательства и оперативно поддерживала движение за права человека в СССР,

то –

- советские власти вынуждены были бы умерить репрессивную политику, и это способствовало бы осуществлению демократических прав явочным порядком.

Малая вероятность такого развития не должна сдерживать усилия, так как именно наши усилия и увеличивают ее.

2. Развитие официальной реакции на Европейское Совещание

До подписания Заключительного Акта советским правительством официальная печать энергично осуждала требование свободного обмена людьми и идеями как "вмешательство во внутренние дела".

Сразу после подписания и опубликования Заключительного Акта советские власти полностью игнорировали его гуманитарные статьи и даже провели определенную "демонстрацию твердости", в какой-то мере пытаясь опереться на свое толко-

вание принципа "невмешательства во внутренние дела", подчеркиваемого в Заключительном Акте.

Состоялись суды, вынесшие жестокие приговоры за общественную деятельность Владимиру Осипову, редактору самиздатского журнала "Вече"; Сергею Ковалеву, члену Инициативной группы защиты прав человека в СССР, члену "Международной Амнистии"; Сергею Солдатову, Калью Мятику, Мати Кийренду, Артему Юскевичу — участникам демократического движения в Эстонии и др.

Все эти общественные деятели были арестованы за несколько месяцев до Европейского Совещания и судимы после него. Так же поступили с Андреем Твердохлебовым, Мустафой Джемилевым, на которого, как известно, начали новое дело накануне выхода из лагеря; Вячеславом Игруновым; активистами еврейского эмиграционного движения Львом Ройтбурдом (Одесса), Яковом Винаровым (Киев), Анатолием Малкиным (Москва). Власти явно стремились нанести как можно более сильный удар движению за права человека до начала Совещания.

Судебные процессы начались вскоре после Совещания и носили характер едва прикрытых расправ. Это был и удар по движению за права человека, и акт устрашения сочувствующих ему, и разведка состояния западного общественного мнения после Совещания. В случае вялой реакции Запада "демонстрация твердости" окончательно закрепляла бы советское толкование гуманитарных статей Заключительного Акта и уже ставшее привычным неравноправное толкование принципа невмешательства во внутренние дела.

Однако в течение 1975 г. по крайней мере часть западной общественности, по-видимому, постепенно освобождалась от иллюзий относительно советской системы. Дискуссии на правительственных уровнях по гуманитарным проблемам в связи с Европейским Совещанием привлекли большее внимание общественности, чем рассчитывали советские власти. В этом смысле момент Совещания оказался не вполне благоприятным для советского правительства. Жестокие репрессии сразу после Совещания, в частности, продолжение лечения в спецпсихбольнице Леонида Плюща, вызвали на Западе реакцию, вынудившую власти сделать единичные демонстративные уступки. В

сущности, они использовали часть заблаговременно арестованных инакомыслящих, чтобы "выпустить пар из котла".

Вячеслав Игрунов был приговорен (за распространение литературы) к "лечению" в психиатрической больнице обычного типа, хотя экспертная комиссия института Сербского квалифицировала его (до Европейского Сопещения) как "особо опасного" и рекомендовала спецпсихбольницу.

Михаил Нариза — писатель, ранее сидевший и в лагере, и в спецпсихбольнице, снова арестованный в ноябре 1975 г. по обвинению в антисоветской пропаганде и направленный на психиатрическую экспертизу, был освобожден.

Пока не приводятся в исполнение уже вынесенные ранее решения об изъятии детей у верующих родителей (см. документ Группы содействия).

Был разрешен выезд нескольким известным активистам еврейского движения, в течение длительного времени получавшим отказы.

Позднее Андрею Твердохлебову был вынесен полностью незаконный, но с точки зрения властей "мягкий" приговор — 5 лет ссылки.

Валентин Мороз, направленный на психиатрическую экспертизу в институт им. Сербского, был предусмотрительно признан здоровым.

Еще раз подчеркиваем, что все эти люди невиновны даже с точки зрения советского законодательства и их преследование потребовало злонамеренного толкования законов.

Аресты, психиатрические и другие репрессии в течение всего этого периода продолжались, захватывая инакомыслящих, по тем или иным причинам плохо известных общественности. Мы обращаем внимание на очевидность учета властями этого обстоятельства.

Приведем список инакомыслящих, репрессированных после подписания советским правительством Заключительного Акта (мы уверены, что это лишь небольшая часть подвергшихся репрессиям за это время):

1. Александр Аваков, студент Свердловского университета (ст. 70 УК РСФСР).
2. Анатолий Уваров, научный сотрудник Сибирского отде-

ления АН СССР — направлен в институт им. Сербского за демонстрацию около шведского посольства.

3. Юрий Царев, рабочий из Ленинграда (ст. 190-1 УК РСФСР).

4. Валерий Тимохин — ст. 70 УК РСФСР, помещен в Сычевскую спецпсихбольницу. (Арестован до, помещен в больницу после Хельсинки.)

5. Александр Сильницкий (Краснодар) — осужден за отказ от службы в армии, куда был призван после подачи заявления о выезде в Израиль.

6. Андрей Матько — ст. 70 УК РСФСР, помещен в спецпсихбольницу (арестован до, помещен в больницу после Хельсинки).

7. Павел Башкиров (Якутск) — сотрудник музея, арестован по ст. 190-1 УК РСФСР.

8. Александр Аргентов — 14 июля помещен в психиатрическую больницу № 14 г. Москвы. Это последний известный нам случай применения по политическим мотивам Инструкции о принудительной госпитализации в психиатрической больнице.

Группа располагает многочисленными материалами об отправке жалобщиков в психиатрические больницы из приемных советских инстанций.

3. Маневрирование властей в вопросах эмиграции

Примерно по той же схеме происходит маневрирование властей в вопросах эмиграции.

В первые месяцы после Совещания в Хельсинки официальные инстанции, занимающиеся вопросами выезда из СССР, просто игнорировали гуманитарные статьи Заключительного Акта. Ссылавшиеся на эту Декларацию слышали в ответ, что к выезду в Израиль она отношения не имеет, поскольку Израиль ее не подписывал, или что поскольку данная фамилия в Декларации не упоминается, то и незачем на нее ссылаться. Однако впоследствии, по мере роста внимания Запада к проблеме прав человека в СССР, этот подход был изменен. 16 февраля 1976 г. зам. начальника Административного отдела ЦК КПСС при встрече с евреями, добивающимися выезда в Израиль, заявил, что советские власти намерены выполнять и выполняют свои

международные обязательства, однако не нанося ущерба государству. Он подчеркнул, что при решении вопроса о воссоединении семей, равно как и других вопросов, связанных с правами человека, советские органы исходят из того, что "интересы государства выше прав человека".

Наконец, в июне начальник Всесоюзного ОВИРа Владимир Обидин объяснил, что советские компетентные органы при выдаче разрешений на выезд из СССР будут строго руководствоваться Заключительным Актом Хельсинкского совещания и давать визы только для воссоединения семей, а семьей, согласно Кодексу о браке и семье, они считают только супругов и их не состоящих в браке детей. Отказы из-за "недостаточной степени родства" становятся теперь столь же обычным явлением, как отказы "по секретности". Таким образом, Заключительный Акт Хельсинкского совещания стал опорой для ... ограничения эмиграции. Нет нужды разяснять лицемерность такого толкования Хельсинкской Декларации, гуманитарные статьи которой направлены на либерализацию эмиграционной политики, что подтверждается и обязательством участников Хельсинкского совещания действовать в соответствии с целями и принципами Декларации прав человека и Пактом о гражданских и политических правах, в которых прямо утверждается право каждого человека покинуть любую страну, включая свою собственную. К тому же, действия советских властей непоследовательны даже при их своеобразном толковании вопроса о воссоединении семей, так как имеются случаи отказа на выезд к членам семьи, признаваемым таковыми советским Кодексом о браке и семье (см. Документ № 5 Группы содействия).

Необходимо подчеркнуть, что такое недопустимое истолкование Заключительного Акта, к которому теперь прибегают власти, делает невозможным выезд из страны советских граждан, желающих эмигрировать не ради воссоединения семей, а по религиозным, политическим, национальным, профессиональным и другим мотивам. Число таких людей, по нашим сведениям, непрерывно растет.

В целом эмиграционная политика за последний год не изменилась к лучшему. Разрешение на отъезд нескольких известных отказников (в основном перед XXV съездом КПСС) прикрывает возрастание общего числа отказников.

Широко разрекламированные изменения в процедуре подачи заявлений о выезде, незначительные сами по себе, к тому же практически не соблюдаются.

Вопреки положениям Хельсинкской декларации возбуденные ходатайств о выезде по-прежнему ведет к изменению статуса ходатай и членов его семьи (увольнение с работы, исключение из института, призыв в армию и т. п.). Именно в течение последнего года неоднократно использовался как средство борьбы с эмиграцией призыв в армию молодых людей после подачи заявления на выезд. Это привело к осуждению А. Малкина, Я. Винарова, А. Сильницкого. Эта угроза висит над многими желающими эмигрировать из СССР молодыми мужчинами.

В течение последнего года заметно участились кампании в центральной и особенно местной печати против людей, выразивших желание покинуть Советский Союз.

Положение Хельсинкского Заключительного Акта об особо срочном рассмотрении и удовлетворении ходатайств о воссоединении семей от больных и старых людей полностью игнорируется властями.

4. Борьба властей против распространения разоблачительной информации

Советские власти усматривают чрезвычайную для себя опасность в распространении разоблачительной информации. Они справедливо полагают, что отсутствие независимой информации создает существенные трудности движению за гражданские права внутри СССР и лишает его поддержки мировой общественности.

Власти всегда жестоко боролись против независимой информации, но, возможно, именно с конца 1975 г. они особенно остро почувствовали ее реальную силу, ее влияние на мировое общественное мнение. Поэтому, полностью игнорируя обязательства по развитию информационного обмена, подписанные в Хельсинки, и в соответствии со своим обычным отношением к обязательствам такого рода, советские власти предприняли ряд мер для затруднения информационных обменов.

Была прервана почтовая и телефонная связь многих людей, продолжающих обмениваться разоблачительной информацией

друг с другом и с Западом. Но особенно тяжело отразилось это на политических заключенных и ссыльных.

Резко участились запрещения и без того редких свиданий политзаключенных с родственниками. Усилилось запугивание лиц, приезжающих на свидание. Во время свиданий пресекается любая попытка политзаключенного сообщить что-либо об условиях его жизни или даже рассказать о своих болезнях. Политзаключенный Владимирской тюрьмы Яков Сусленский, здоровье которого настолько подорвано непрерывными карцерами, что в июне 1976 г. на свидании с женой он не смог выйти сам — его вывели под руки, пытался рассказать жене о своем здоровье, но контролер, присутствовавший при их встрече, запрещал ему это, грозя прервать свидание.

Предпринято наступление на права политзаключенных на переписку. Письма к ним и от них не передаются под самыми разными предлогами: якобы в письме употреблены "недопустимые выражения" или в нем содержится "скрытый смысл". Часто письма бесследно исчезают по дороге к адресату.

Чрезвычайно ужесточилась цензура переписки. Уже упоминавшемуся политзаключенному Владимирской тюрьмы Якову Сусленскому было возвращено его письмо к жене, чтобы он исключил из текста жалобы на состояние здоровья. Некоторые политзаключенные в знак протеста отказались писать письма (Кронид Любарский, Владимирская тюрьма). Все это привело к перерывам в почтовой связи с узниками совести. Так, мать Владимира Буковского (Владимирская тюрьма) восьмой месяц не имеет от него писем и не может выяснить, получает ли он ее письма. Мария Гель, жена Ивана Геля (Мордовский лагерь № 1), 3 месяца не получала писем от мужа. В апреле-мае не пришли письма от Вячеслава Черновола (Мордовский лагерь № 3) и т. д.

За последний год участились и стали еще более опустошительными обыски во всех политлагерях и во Владимирской тюрьме. В лагере № 1 (Мордовия) досмотр личных вещей стал проводиться дважды в неделю (раньше — от случая к случаю). Изымаются рукописи, стихотворения, рисунки, выписки из материалов судебного дела и копии жалоб в официальные инстанции — ради того, "чтобы они не были опубликованы на Западе". Политзаключенному Паруйру Айриkyану, у которого изъяли

копию письма в Президиум Верховного Совета СССР, начальник по режиму Кривов заявил, что если это письмо появится в западной печати, то против Айриkyяна заведут новое дело. За передачу информации "на волю" получили карцер политзаключенные Владимирской тюрьмы Георгий Давыдов, Витольд Абанькин. За передачу информации на волю угрожали новым сроком и Семену Глузману (Пермский лагерь № 35). Официальные предупреждения КГБ были сделаны Василию Стусу, Вячеславу Черноволу и Борису Пэнсону (Мордовский лагерь ...).

Еще раз обращаем внимание на то, что перекрытие каналов гуманитарной информации является грубым нарушением буквы и духа Заключительного Акта.

5. Несоответствие между законами страны и подписанными конвенциями

Одним из источников скептицизма относительно будущего прав человека в СССР является отсутствие каких-либо тенденций к приведению советского законодательства в формальное соответствие с международными конвенциями по правам человека, на которые, в частности, ссылается Заключительный Акт.

Правда, нравы в принципе могут в конце концов оказаться лучше формальных законов страны, но при существующей жесткой практике властей, сильно влияющей на нравы, на это надеяться трудно.

Некоторые несоответствия между советскими законами и международными конвенциями носят принципиальный характер, отражая узловые моменты в структуре власти в СССР.

Так, статья 126 Конституции требует, чтобы КПСС составляла "руководящее ядро всех организаций трудящихся как общественных, так и государственных". Это противоречит конвенциям № 87, 98 и 111 о праве на ассоциации, ратифицированным Советским Союзом. Согласно указанной статье Конституции, ни рабочие, ни крестьяне, ни, скажем, научные работники не имеют права образовывать какие-либо профессиональные организации (не говоря уже о политических) для защиты своих интересов вне государственных профсоюзов, руководимых

коммунистической партией. Поэтому ни одна категория трудящихся не имеет независимых от руководящей партии представителей, формулирующих интересы этой категории, а люди, лишаемые работы по идеологическим мотивам, не могут рассчитывать на поддержку своих товарищей по профессии.

Другой пример — статья 52 Кодекса о браке и семье РСФСР (и соответствующие статьи в кодексах союзных республик). Эта статья обязывает родителей "воспитывать своих детей в духе морального кодекса строителей коммунизма". Статьи 59-64 регламентируют порядок лишения родителей родительских прав и отобрания ребенка, в частности, в связи с невыполнением указанной выше обязанности, что находится в вопиющем противоречии и с текстом Заключительного Акта, и с Всеобщей декларацией прав человека.

Противоречат Заключительному Акту (в части, касающейся прав человека) и другим конвенциям статьи 70 и 190-1 УК РСФСР (и соответствующие статьи в кодексах республик).

б. Деятельность Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений

Основываясь на опыте прошлого, советские инакомыслящие вначале скептически отнеслись к возможным результатам Европейского Совещания, не без основания опасаясь, что власти имеют в виду использовать его для самоукрепления. Первые месяцы после Совещания, казалось, подтвердили эти опасения. Но со временем обнаружилось, что все чаще люди, испытывающие давление по идеологическим, политическим, национальным и другим сходным мотивам, стали ссылаться в своих жалобах, направляемых властям, на гуманитарные статьи Заключительного Акта. Разумеется, власти в лучшем случае игнорировали ссылки такого рода. Но протесты мирового общественного мнения со ссылками на Заключительный Акт показали, что он может служить правовой опорой в этой борьбе. Исходя из этого, 11 участников движения за права человека в СССР 12 мая 1976 г. создали Общественную группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений. В течение последующих двух месяцев Группа передала общественности и главам пра-

вительств, подписавших Заключительный Акт, пять информационных документов о нарушении его гуманитарных статей:

1. О преследовании Мустафы Джемилева (18 мая 1976 г.).
2. О нарушениях контактов между людьми в сфере международной почтовой и телефонной связи (27 мая 1976 г.).
3. Об условиях содержания узников совести (17 июня 1976 г.).
4. О разделенных семьях, добивающихся воссоединения (17 июня 1976 г.).
5. О репрессиях против религиозных семей (17 июня 1976 г.).

Кроме того, от имени Группы содействия было передано несколько обращений с просьбами образовать международные комиссии (по поводу информации № 1 и № 3, а также по поводу помещения Валентина Мороза в институт им. Сербского на психиатрическую экспертизу).

К сожалению, нам неизвестны отклики на наши обращения по поводу информации о Джемилеве и об условиях содержания узников совести. Валентин Мороз, как известно, не был направлен в спецпсихбольницу, и в этом решающую роль сыграли усилия мировой общественности.

Основной трудностью в работе Группы является не только получение информации (мы сознаем, что нам становится известной лишь незначительная часть нарушений гуманитарных статей Заключительного Акта), но и передача документов главам правительств. На документы, отправленные послам соответствующих правительств в Москве заказными письмами с уведомлениями о вручении, мы не получили уведомлений о вручении.

22 июля 1976 г., Москва

Л. Алексеева, А. Гинзбург, П. Григоренко, А. Корчак, М. Ланда, А. Марченко, Ю. Орлов, В. Слепак, А. Щаранский.

О ПОЛОЖЕНИИ БЫВШИХ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ В СССР

Большинство политзаключенных, находящихся ныне в лагерях и тюрьмах СССР, обвиняются по статьям 64, 70 и 190-1 УК РСФСР (или соответствующим статьям уголовных кодексов союзных республик), т. е. за "измену родине", "антисоветскую агитацию и пропаганду" или "распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй". Деяния по ст. ст. 64 и 70 входят в разряд "особо опасных государственных преступлений".

Как "измена родине" квалифицируется, например, попытка ухода через советскую границу, невозвращение из капиталистической страны, деятельность (в том числе и мирная), связанная с желанием национального государственного самоопределения нерусских наций, входящих в состав Советского Союза. Под "антисоветской агитацией и пропагандой" имеется в виду высказывание или распространение независимых мнений и информации, хранение соответствующей литературы и документов.

Статья 64 предполагает лишение свободы сроком до 15 лет или даже расстрел, статья 70 — лишение свободы до 7 лет плюс до пяти лет ссылки, статья 190-1 — лишение свободы до трех лет.

Однако фактически наказание по этим статьям не ограничивается длительным сроком заключения. Жесткие дискриминационные меры, не обусловленные законодательно, а основанные на негласных (т. е. нигде не опубликованных) инструкциях, тянутся в течение многих лет, а иногда и десятилетий

после отбытия наказания, назначенного судом. Среди этих дискриминационных мер — запрещение жить в городах, районах и местностях, перечень которых определен специальными решениями правительства. Перечень этот включает Москву и Ленинград, столицы союзных республик и "режимные" города (т. е. почти все крупные города СССР) и пограничные районы. Это представляет собой *прямое нарушение права выбора места проживания*, а для многих освободившихся оборачивается и запретом совместного проживания с семьей, т. е. *насильственным разделением семьи*.

Эти ограничения были введены еще в сталинские времена и не изменились до сих пор. Более того, в 1966 г. они дополнены постановлением о введении так называемого административного надзора за теми, кто в местах лишения свободы "не встал на путь исправления". По отношению к политическим заключенным это значит только одно: что человек не изменил своих убеждений.

Запрет на свободный выбор места проживания после освобождения для политического заключенного является *продлением кары за убеждения*. Многих политзаключенных даже незадолго до истечения срока наказания склоняют просить помилования, т. е. признать преступным те деяния, за которые они были осуждены, и выразить раскаяние. Если политзаключенный соглашается на это, его освобождают как помилованного, и это меняет его статус на свободе: он может сам выбирать себе место проживания, его не ставят под административный надзор и, как правило, ему не чинятся препятствия при устройстве на работу.

В постановлении Совета Министров СССР от 28 августа 1974 г. "О некоторых правилах прописки граждан" (опубликовано в издании "Социалистическая законность" 1974 г., № 12, стр. 70), казалось, наметился некоторый сдвиг к смягчению стеснений бывших политзаключенных в выборе места проживания: раздел "з" пункта 1 этого постановления гласит, что лица, освобожденные из мест лишения свободы, должны возвращаться "на жилую площадь, занимаемую членами их семей или родственниками, с которыми они проживали до осуждения". Конечно, это не решает проблему. Но для некоторой части освобож-

дающихся выполнение этого пункта постановления обеспечило бы желательное место проживания. Именно так обстояло дело у Ивана Кандыбы ("измена родине", срок 15 лет) и у Надежды Светличной ("антисоветская агитация и пропаганда", срок — 4 года лагерей строгого режима). Кандыба был арестован в 1961 г. во Львове и мечтал вернуться туда же: там живет его 75-летний отец и другие близкие родственники. Надежда Светличная хотела вернуться в Киев, где она жила до ареста с семьей брата и со своим малолетним сыном. Оба они вышли из лагерей в 1976 г., т. е. после вступления в силу постановления Совета Министров "О некоторых правилах прописки граждан". Но им не удалось поселиться там, где они хотели.

Дело в том, что кроме опубликованных четырех пунктов указанного постановления имеются неопубликованные пункты 5-10 ("секретный закон"). И пункт 5 содержит перечень лиц, для которых ограничения права проживания сохранены в прежнем объеме. Цитируем этот перечень полностью:

"... лица, признанные судом особо опасными рецидивистами, и лица, отбывшие наказание в виде лишения свободы и ссылки за особо опасные государственные преступления*, бандитизм, действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений, массовые беспорядки, нарушения правил о валютных операциях, хищения государственного или общественного имущества в особо крупных размерах, разбой при отягчающих обстоятельствах, изнасилование, совершенное группой лиц или повлекшее особо тяжкие последствия, а равно изнасилование несовершеннолетней, посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника, распространение заведомо ложных измышлений, порочащих государственный и общественный строй***.

В пункте 6 перечисляются категории лиц, к которым не применяются эти ограничения и которым разрешается после отбытия наказания поселиться "по месту жительства их семей и родственников, с которыми они проживали до осуждения". Среди них — освобожденные по помилованию, мужчины старше 60 лет и женщины старше 55 лет, а также женщины, имеющие несовершеннолетних детей.

---

* Т. е. осужденные по ст. ст. 64 и 70.

** Т. е. осужденные по ст. 190-1.

Иван Кандыба, прочитавший еще в лагере опубликованную часть постановления, был уверен, что он будет жить в родном городе вместе с отцом — он ведь не мог знать о секретном пункте 5 ! Но именно согласно этому пункту его принудили поселиться в 20 км от Львова в поселке Пустомыты.

”Прибыл я в Пустомыты, где никогда не был, абсолютно никого из знакомых, не говоря уже о близких тебе людях, — пишет Кандыба своему московскому знакомому. — ... Чувствую себя здесь очень одиноким, морально подавленным, все для меня здесь чужое, и я всем чужой. Я здесь какое-то инородное тело”.

Три недели он искал жилье. Наконец, он снял комнатку в старом домике за 25 рублей в месяц. На другой же день после того, как Кандыба нашел жилье, он был поставлен на полгода под административный надзор.

”На меня наложили ограничения, — пишет он. —

1. Запрещено выезжать за пределы поселка Пустомыты, даже в ближайшее село, не говоря уже о Львове. Тем самым лишили меня права посещать моего одинокого 75-летнего отца, пользоваться речкой, озером, ходить в лес, не говоря уже о том, чтобы поехать на море, в горы и т. д. Тем самым лишили права посещать театр (ибо в Пустомытах нет), санаторно-курортного лечения и т. п. Одним словом, вынужден ограничиваться только одними Пустомытами, т. е. фактически находиться в ссылке.

2. Запрещено с 9 вечера до 7 утра выходить из дома, это равносильно домашнему аресту.

3. Запрещено посещать питейные заведения. Но я же не употребляю спиртных напитков, непьющий и не пьяница, о чем они хорошо знают. Это насмешка или издевательство — уж не знаю, как это назвать.

4. Обязали каждую среду ходить в милицию отмечаться.

И это пока на 6 месяцев, а там могут продлить еще на 6 месяцев и т. д., вплоть до погашения срока судимости, которое у меня кончается через 8 лет”.

Далее Иван Кандыба описывает свои мытарства с устройством на работу:

”Как юрист по профессии обратился в органы юстиции,

но там мне отказали с такой мотивировкой: из-за отсутствия вакантных мест... Полтора месяца хождений, нервозности и, наконец, 18 мая меня приняли учеником по ремонту сложной бытовой техники (электробритвы, утюги, стиральные машины, холодильники). Срок обучения — 3 месяца. Первый месяц платят 60 рублей, второй — 45, а третий — 30 рублей, а остальное уже вынужден дорабатывать. Особенно тяжело мне дается дело с электрикой, которой не понимаю и боюсь ее. А поэтому не знаю, какой получится с меня мастер. Все это меня угнетает, оно меня не интересует. Таким образом, вынужден жить там, где сказали, и работать там, куда направили...

Получается так, — заключает Иван Кандыба, — что приговор исчерпан — меру наказания отбыл, выпустили из заключения, но воли не имею. Там жил в зоне радиусом 200 метров, здесь ограничен в передвижении маленьким поселком. Там с 10 вечера до 6 утра не имел права выходить из барака в зону, здесь с 9 вечера до 7 утра не имею права выходить из дома. Там в любое время могли войти в барак, здесь в любое время имеют право зайти в квартиру. Там заставляли работать, здесь тоже. Там следили за каждым шагом, здесь тоже. Оттуда не имел права поехать к родственникам, отсюда тоже. Там унижали личное достоинство, здесь тоже и т. п. Выходит, что не вышел на волю, а переведен из зоны строгого режима опять в зону, тоже с режимом”.

Надежда Светличная, казалось бы, могла быть уверена, что ей разрешат жить в Киеве с ее родными, даже если бы она могла ознакомиться с секретной частью правительственного постановления: ведь у нее малолетний ребенок и, следовательно, она попадает в категорию лиц, которым пункт 6 разрешает поселиться со своей семьей, где бы эта семья ни проживала. Тем не менее, Н. Светличная, освободившаяся в мае, до сих пор не получила права поселиться в Киеве. Ее вынуждают уехать в село, откуда она родом и где не жила с ранней юности.

Мы привели только два примера грубого нарушения права выбора места жительства и насильственного разделения семей бывших политзаключенных. Но это судьба почти всех отбывших наказание по ”политическим” статьям и не просивших помилования.

Приводим далеко не полный перечень таких людей: Нина Строката, Левко Лукьяненко, Иван Верник, Александр Чекалин, Александр Романов, Виталий Калинин, Георгий Давиденко, Леонид Бородин, Николай Иванов, Вячеслав Родионов, Георгий Гладко, Валерий Румянцев, Валерий Граур, братья Горыни, Тарас Мельничук, Екатерина Зарицкая, Дарья Гусяк, Вячеслав Репников, Иван Чердынцев, Александр Петров-Агатов и др.

Полтора года назад Анатолий Марченко получил 4 года ссылки "за нарушение правил надзора". Недавно по этому же обвинению арестован в Луге Ленинградской области вышедший полтора года назад из заключения Юрий Федоров (ст. 70 УК РСФСР) — и это не единственный случай.

Еще раз подчеркиваем, что все ограничения выбора места жительства и административный надзор за политзаключенными являются грубым нарушением гуманитарных статей подписанного советским правительством Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

1 августа 1976 г.

*Людмила Алексеева, Александр Гинзбург, Мальва Ланда,
Юрий Орлов, Анатолий Щаранский.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

СООБЩЕНИЕ ДЛЯ ПРЕССЫ

В годовщину совещания в Хельсинки были проведены обыски в Риге (Латвийская ССР) у бывших политзаключенных.

У Валдиса Зариныша 30 июля были изъяты 500 его рукописей – стихов, рассказов, пьес, а также его личный архив и книги, изданные в Латвии до установления там советской власти.

У Гунара Фрейманиса 30 июля изъяты рукописи его собственных стихов.

У Виктора Калныньша 15 июля изъяты личные бумаги.

В это же время 4 человека были допрошены по поводу участия в литературных вечерах, не санкционированных властями.

* * *

Дополнительный список арестованных после подписания Хельсинкских соглашений

(В дополнение к списку из 8 человек, приведенному в докладе Группы "Оценка влияния Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в части, касающейся прав человека в СССР").

9. Реймар Генрих Давыдович, 1932 г. рожд., г. Иссык Алма-Атинской обл. (Казахская ССР). Предполагаемая причина ареста, произведенного 1 июня 1976 г., – отказ от советского гражданства в числе 200 немцев, проживающих в Алма-Атинской обл. и сдавших свои паспорта в знак отказа от гражданства в паспортный стол города, в знак протеста против отказа в разрешении на выезд из СССР.

10. Блейм Антон, 1927 г. рожд., село Евгеньевка Алма-Атинской обл. Обвинение не предъявлено, предполагаемая причина ареста та же, что у Реймара.

11. Федоров Юрий Иванович – арестован в г. Луге Ленинградской обл. "за нарушение правил административного над-

зора”. Бывший политзаключенный (ст. 70 УК РСФСР, срок — 6 лет), вышедший на свободу полтора года назад.

12. Бабич Сергей, бывший политзаключенный, вышел на свободу полтора года назад. Арест произведен в Житомирской области. Обвинение неизвестно.

ОБРАЩЕНИЕ

К правительствам и парламентам стран, подписавших Заключительный Акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе

В СССР начала работу негосударственная Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений, в которую вошли *общественные деятели*, известные своими выступлениями в защиту прав человека.

Группа поставила своей целью сбор, исследование и передачу соответствующим правительствам информации о нарушении гуманитарных статей Заключительного Акта Европейского совещания 1975 года.

Мы надеемся, что наша работа будет содействовать выполнению моральных обязательств, принятых по этим статьям советским правительством. Мы призываем общественность других стран последовать нашему примеру, так как не исходим из предположения, что нарушения Хельсинкских соглашений возможны только в Советском Союзе.

К сожалению, десять месяцев, прошедших после Хельсинкского совещания, со всей очевидностью показали, сколь необходима такая работа, во всяком случае в СССР.

Нельзя сказать, что ситуация внутри страны за это время ухудшилась, это было бы неверно. Например, за это время, по видимому, не выносилось новых судебных решений об изъятии детей у религиозных родителей — баптистов, адвентистов, пятидесятников и др. Несколько уменьшилось количество судебных психиатрических репрессий. Как ни малы эти сдвиги, в наших интересах объективно фиксировать их.

Но необходимо со всей силой подчеркнуть, что даже эти малые сдвиги возникли только в результате самоотверженной работы по информированию мировой общественности о наиболее вопиющих нарушениях прав человека в СССР.

В связи с этим я должен указать, что продолжающееся преследование свободной информации является фундаментальным

нарушением духа и буквы Заключительного Акта Европейского Сопещения.

В частности, это касается теперь деятельности самой Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

Совершенно открытая и позитивная по существу своей деятельности Группа содействия была официально объявлена властями "нелегальной организацией" — хотя это звучит безумно, а также "провокационной и антиконституционной". Огромное количество агентов КГБ почти демонстративно следует за каждым шагом — моим и некоторых других членов Группы, вероятно, ожидая приказа об аресте. Можно подумать, что для государства нет большей опасности, чем общественное содействие выполнению Хельсинкских соглашений.

Но такой подход, в основу которого положены эгоистические сиюминутные интересы власти, не является — в более глубоком плане — сколько-нибудь конструктивным.

Мирная борьба за соблюдение основных прав личности, за смягчение нравов, против жестокости, за духовную терпимость и за свободное движение информации закладывает фундамент доверия и миролюбия, более прочный и долговременный, чем это могут сделать одни лишь политические усилия. Проблемы безопасности в сегодняшнем мире неотделимы от гуманитарных. В этом очевидный смысл гуманитарных статей Заключительного Акта, и по самому существу дела в их выполнении заинтересованы *все народы и все правительства.*

Если же сбор и передача информации о нарушениях этих статей квалифицируется как государственное преступление, то это подрывает самую основу Соглашения, лишает его реального содержания и внутренней логики.

Поэтому я обращаюсь к правительствам и парламентам всех стран, участвовавших в Европейском Сопещании, включая СССР.

Я прошу предпринять шаги, которые защитили бы право Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений заниматься объявленной ею разумной и полезной деятельностью.

Я прошу оградить ее членов от преследований.

Руководитель Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР

профессор *Юрий Орлов*

27 мая 1976 г.

В ЗАЩИТУ ВАЛЕНТИНА МОРОЗА

Обращение

к главам государств, подписавших Заключительный акт
Совещания по безопасности и сотрудничеству народов Европы

В "Эмнисти Интернэйшнл"

Национальным ассоциациям психиатров

Инициативному комитету против злоупотреблений психиатрией
в политических целях

Пэн-клубу

Нам стало известно, что украинский писатель и журналист Валентин Мороз после 6 лет пребывания в тюрьме направлен на психиатрическую экспертизу в Институт имени Сербского.

Эксперты этого института снискали печальную известность тем, что признали в свое время душевнобольными П.Г. Григоренко, В. Файнберга, Л. Плюща и других психически здоровых инакомыслящих. Мы опасаемся, что эта участь ждет и В. Мороза.

Мы обращаемся к вам с просьбой образовать международную комиссию психиатров для объективного выяснения психического состояния В. Мороза.

Обследование в Институте имени Сербского должно закончиться к 10 июня. По-видимому, сразу после этого состоится решение экспертной комиссии Института о В. Морозе. В связи с этим создание международной экспертной комиссии не терпит отлагательства.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений: *Ю. Орлов, В. Рубин, Л. Алексеева*

Примечание редакции.

По сообщению, поступившему в июне, В. Мороз признан психически здоровым и направлен в лагерь для продолжения отбывания срока наказания.

§ 5.00